

В.Г. КОРКИШКО



ИЗ СТРАНЫ ЛЕОПАРДА – С ЛЮБОВЬЮ

ИЗ СТРАНЫ ЛЕОПАРДА – С ЛЮБОВЬЮ

«Р. Валент»

Первая премия имени Ф.Р. Штильмарка 2006 года

Конкурс «Люди в истории заповедников и заповедники в человеческих судьбах» проводится Фондом имени Феликса Робертовича Штильмарка (1931 – 2005) – ученого, писателя и публициста, всю жизнь посвятившего заповедному делу.

Цель конкурса 2006 года – моральная и практическая поддержка авторов, в чьих произведениях лейтмотивом является переплетение человеческих судеб и истории охраняемых природных территорий.

В жюри конкурса входили старший научный сотрудник биологического факультета МГУ Ксения Авилова, директор Центрально-Черноземного биосферного заповедника Андрей Власов и писатель Вадим Чернышев.



**Государственный природный биосферный заповедник
«Кедровая Падь»**



Центр охраны дикой природы

В.Г. КОРКИШКО

**ИЗ СТРАНЫ ЛЕОПАРДА —
С ЛЮБОВЬЮ**

**Рассказы об обитателях
уссурийской тайги**

**<<Р. Валент>>
Москва 2007**

ББК 28.088л6

Коркишко В.Г.

Из страны леопарда — с любовью: Рассказы об обитателях уссурийской тайги. — М.: «Р. Валент», 2007. — 104 с.

ISBN 978-5-93439-222-3

Книга известного исследователя дальневосточного леопарда В.Г. Коркишко (1954—2005) — яркий, увлекательный и достоверный рассказ о жизни натуралиста в природе, в данном случае в заповеднике «Кедровая Падь», где сохраняются уникальные участки дикой природы Южного Приморья.

Книга включает в себя несколько разделов: эпизоды из биографии; рассказы о животных, которых автору доводилось выращивать в неволе, у себя дома; рассказы о встречах с дикими животными; научно-популярные очерки об изучении дальневосточного леопарда методом радиомечения. Рассказ «Танец с тигром» описывает уникальную встречу автора с тигром «лицом к лицу».

Написанная живым языком, проникнутая заботой о сохранении дикой природы книга легко читается и будет интересна как специалисту-биологу — ученому или учителю, так и всем, кто любит природу.

ББК 28.088л6

Авторы фото: В.Г. Коркишко, Ю.Б. Шибнев,
В.Н. Медведев, Г.В. Коркишко

*Книга издана при поддержке
Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров,
а также благодаря пожертвованиям частных лиц*

ISBN 978-5-93439-222-3

© В.Г. Коркишко, наследники, 2007
© А.В. Калмыкова, верстка, обложка, 2007
© Центр охраны дикой природы, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	
<i>Е. Коркишко</i>	7
О Викторе Коркишко	
<i>Д. Пикунов</i>	8
От автора	10
Знакомство	
Как я попал в заповедник.....	12
Первые впечатления.....	16
Полевое крещение.....	20
Попавшие в беду	
Летяжка.....	24
Афоня.....	26
Герда.....	28
Бурундучок.....	31
Иволжата.....	33
Уно.....	39
Встречи с хищниками	
Дежурные истории.....	44
Медведи.....	47
«Танец с тигром».....	54
Изучаем леопарда	
Света.....	63
Лисец.....	66
Потапыч.....	68
Опять Света!.....	70
Машка.....	71
Дальневосточный отшельник – прошлое, настоящее и будущее.....	74
Заповедник «Кедровая Падь»	
<i>Справочная информация</i>	78
Житель страны леопарда. Вместо послесловия	
<i>В. Солкин</i>	84
Слова благодарности	86
Передать любовь по наследству	
<i>Из интервью В.Г. Коркишко</i>	87

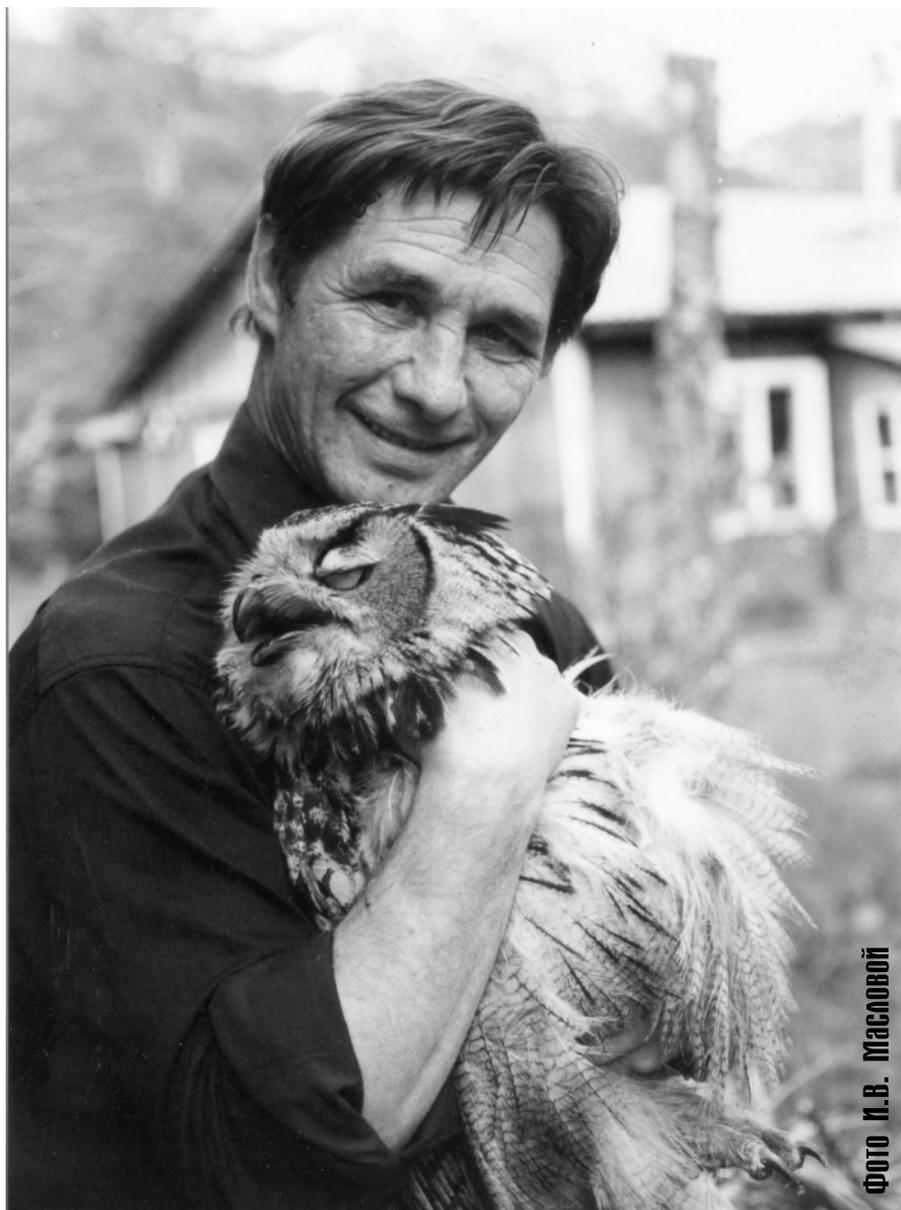


ФОТО И. В. МАСЛОВОЙ

ВИКТОР ГРИГОРЬЕВИЧ КОРКИШКО
(1954—2005)

К ЧИТАТЕЛЮ

Большую часть жизни Виктор Григорьевич Коркишко посвятил дальневосточной тайге, одному из прекраснейших ее уголков — заповеднику «Кедровая Падь». Здесь он жил и работал, и кто лучше него, почти 30 лет изучавшего тайгу, мог понять беды и заботы ее обитателей! А они так нуждаются в любви и защите: уникальному островку «лиановых кедрово-широколиственных лесов» угрожают и браконьеры, и пожары, и — в последние годы — гигантский нефтепровод.

Даже в больнице, оставшись после операции с одним легким, Виктор Григорьевич писал очередное «обоснование необходимости сохранения». Когда в конце 2004 года заповедник «Кедровая Падь» получил международный статус биосферный резервата, он сказал: «Ради этого стоило жить».

В свободное время Виктор Григорьевич писал рассказы, которыми многие зачитывались. Он давно хотел написать книгу о заповеднике, его достижениях и проблемах, о своей работе, о наших питомцах, но всё не было времени. Мы часто откладываем главное на потом — потом построим, потом сделаем, потом напишем, потом скажем всем, кого мы любим, что мы их любим. Мы забываем, что не властны над временем. Только во время болезни, еще не зная страшного диагноза, Виктор Григорьевич взялся наконец за книгу, но успел написать всего несколько страниц. Судьба распорядилась иначе...

В память о нем мы, его жена и дети, решили исполнить его замысел. Мы собрали все написанные им рассказы, опубликованные и неопубликованные, часть из них дописали, так как они оказались незаконченными — слишком рано ушел от нас Виктор Григорьевич. Писать нам было легко, благо всё, что описано в рассказах, происходило на наших глазах и при нашем участии. Что из этого получилось, судить тебе, читатель.

Екатерина Коркишко

О ВИКТОРЕ КОРКИШКО

Виктор Григорьевич Коркишко приехал в заповедник «Кедровая Падь» в 1977 году, прямо со студенческой скамьи. Вчерашний выпускник Кишиневского университета, Виктор очень быстро освоился, сжился с уссурийской тайгой, полюбил ее преданно, вдохновенно и бескорыстно. За сохранность заповедной природы он воевал на всех фронтах: от борьбы с лесными пожарами на границах заповедника до выступления на официальной трибуне Генеральной Ассамблеи Международного Союза по охране природы (МСОП) (Буэнос-Айрес, 1994), где он делал доклад о необходимости сохранения дальневосточного леопарда.

В заповеднике осуществилась мечта его студенческих лет — следы леопардов, тигров, медведей можно было встретить в сотнях метров от домашнего очага или конторы заповедника. И пожалуй, вряд ли кто из российских или зарубежных гостей (Виктор неплохо владел английским языком), посетивших заповедник, не ходил с ним по заповедной тропе, слушая яркие эпизоды из жизни замечательного натуралиста и природолюбца. Рассказы Виктора были неиссякаемы, в каждом ощущалась беззаветная и преданная любовь к природе. Он знал жизнь всех без исключения обитателей «Кедровой Пади», и не только братьев наших меньших, но и людей, так или иначе связавших свою судьбу с заповедной землей.

Как-то в беседе Георгий Федорович Бромлей, руководивший в то время лабораторией зоологии позвоночных Биолого-почвенного института ДВО РАН, предложил мне написать совместно с Виктором Коркишко книгу о леопарде. Я отнесся к этому предложению с ревностью: какой-то молодой человек, прибывший из Кишинева, собирается разделить со мной на равных работу, которой я посвятил много лет жизни! Мы с зоологом В.К. Абрамовым к тому времени уже провели первый в России учет леопарда. В результате этой работы в основных местообитаниях леопарда был учрежден республиканский заказник «Барсовый». Затем последовала моя диссертация по леопарду. Я был уверен, что при сборе информации о таком редком и скрытном хищнике, как леопард, практика таежного следопытства должна быть на очень высоком уровне, а Виктор слишком молод и не имеет достаточного опыта работы в полевых условиях.

Учет леопарда в 1983 — 1984 годах мы проводили вместе с Виктором. Начались наши маршруты в поисках следов редкого зверя. Сложнее всего было на участках с особенно высокой плотностью диких копытных. Следов было очень много, они пестрили в

глазах, отдельные участки напоминали плохо убранный скотный двор. Изо дня в день в течение двух с половиной месяцев, почти всю зиму — непрерывные изнурительные маршруты по горной местности. Мои сомнения в Викторе как следопыте развеялись мгновенно. Для него не составило труда овладеть тонкостями дальневосточного следопытства, когда на одних и тех же хребтах можно встретить следы тигров, леопардов и рысей, пятнистых оленей, изюбрей и кабарги. Дьявольски тяжелая работа не смущала Виктора, тогда как многих «фанатиков», включая студентов-охотоведов, она насыщала раз и навсегда буквально за одну неделю. А полевым работам, казалось, не было конца, ведь территория простиралась от Хасанской трассы до границы с Китаем и Кореей. К вечеру мы так уставали от просмотра следов, оставленных многочисленными обитателями уссурийской тайги, что стоило закрыть глаза, как начинались «следовые» галлюцинации. Спали в охотничьих избушках или в экспедиционных машинах, в тесноте и неуютности, порой и в потайных браконьерских землянках, кишачих грызунами, а то и прямо на снегу.

Все последующее время до 2000 года — последнего для Виктора — он всегда оставался одним из главных организаторов учетов леопарда, ибо никто не знал лучше южную часть ареала этого зверя, включающую территории заповедника «Кедровая Падь» и заказника «Барсовый». Информация, собранная Виктором, была абсолютно достоверна. Данные о численности хищников, половозрастные характеристики их популяций, распределение по территории — все эти сведения позволили разработать рекомендации для сохранения леопарда. Кандидатская диссертация Виктора была, естественно, посвящена дальневосточному леопарду. Вскоре исполнилось и пожелание Г.Ф. Бромлея — книга «Леопард Дальнего Востока» была подготовлена и издана*.

Интересны и последующие исследования Виктора Коркишко. Вместе с американскими коллегами он овладел современными методами изучения экологии животных — радиоиндикацией отдельных особей леопардов, тигров и медведей. Знания Виктора о поведении хищников, которые он получил при изучении животных по следам, помогали ему и в радиослежении: он мог правильно определить намерения зверя.

Слишком рано Виктор Коркишко ушел из жизни, многое из запланированного не успел сделать. Но, замечательный знаток и неутомимый борец за сохранность дикой природы уссурийской тайги, он оставил за собой яркий след — и в науке, и в наших душах.

Д.Г. Пикунов, доктор биологических наук

*Д.Г. Пикунов, В.Г. Коркишко. Леопард Дальнего Востока. М.: Наука, 1992. 189 с.

ОТ АВТОРА

Одной из главных причин, почему я взялся писать эту книгу, послужило то, что, начитавшись публикаций и посмотревшись художественных фильмов о жизни в заповедниках, я понял: их авторы часто понятия не имеют о том, о чем пишут и что снимают. Дикая фантазия, сюсюканье в смеси с наигранной трагедией, надуманные сюжеты... Настоящая заповедная жизнь гораздо сложнее и интереснее!

Я не претендую на звание писателя, но жизнь в заповеднике, увлекательная и богатая приключениями, порой напоминающая этакий экологический триллер, мало кому знакома. А насколько важно распространять знания о ней, я убедился, когда в конце 70-х годов приехал в свой первый отпуск из заповедника «Кедровая Падь» на родину и с удовольствием выступил на заседании студенческого научного общества в родном Кишиневском университете. Рассказал о своей работе, показал слайды. В результате один из студентов — Виктор Лукаревский — настолько заразился моим увлечением, что впоследствии стал прекрасным ученым, детально исследовал переднеазиатский подвид леопарда. Кстати, из трех специалистов по леопарду в бывшем СССР два — из Кишиневского университета.

ЗНАКОМСТВО

Как я попал в заповедник

Когда мне было два года, я заболел брюшным тифом. После долгой болезни врачи разрешили выносить меня на прогулки, и, чтобы как-то развлечь меня, мама часто показывала мне различных птиц: «Витя, смотри — ласточки, а там — воробушек, а вот — голуби прилетели». Так мое внимание было обращено на животный мир. В трехлетнем возрасте я попал в Киевский зоопарк. Увидев огромного гривастого льва, я был потрясен и изрек: «В жизни не видал таких звелей!» Видимо, тогда и возникла моя страсть к крупным кошкам.

С возрастом моя любовь к животным росла. Кто у нас дома только не жил! Я спасал брошенных котят, щенят, причем убеждал родителей, что все щенята — от немецкой овчарки. Правда, когда щенки вырастали, оказывались почему-то обыкновенными дворнягами. У нас жили ёжики, покалеченные вороны, жабы, ужи, черепахи. Родители относились к моему увлечению терпеливо и никого не выбрасывали, даже когда квартира напоминала зверинец. Летом мы жили за городом, рядом с прекрасным небольшим прудом, заросшим оврагом и примыкающим к нему лугом. Целыми днями я бродил по окрестным зарослям и наблюдал за разными козьяками.

Казалось, мой выбор был предопределен. Но в юношеском возрасте верх взяла другая страсть. Мой отец был летчиком, часто брал меня на тренировочные полеты. Я сидел рядом с ним в пилотской кабине. Да и когда мы с ним летали куда-нибудь обычным рейсом, он обязательно водил меня в кабину к знакомому экипажу, и я с восторгом наблюдал за работой летчиков, казавшихся мне, как и отец, суперменами. До сих пор помню особенный запах кожи и работающих приборов в кабине пилотов. Естественно, я мечтал стать летчиком. Но когда до окончания школы оставалось всего ничего и нужно было решать, на какие предметы обратить особое внимание, отец проявил мудрость.

— Если ты собираешься стать летчиком, то сначала пройди медкомиссию. Может, зря мечтаешь, — сказал он мне.

Я с успехом прошел испытания на всех тренажерах, даже самом трудном — центрифуге. Но неожиданно убил мою мечту окулист. Оказалось, что у меня не все в порядке с цветовым зрением. Ну что ж, «рожденный ползать летать не может»! Так судьба сделала за меня окончательный выбор, и я поступил на биолого-почвенный факультет Кишиневского государственного университета.

Быстро пролетели пять лет учебы. Несмотря на авантюрный характер, специальность я усвоил неплохо. Иногда я, правда, вызывал у преподавателей раздражение, но в общем они ценили мои знания и снисходительно относились к «шалостям».

Итак, учеба закончена. Передо мной проблема выбора места работы. Тогда, в 1976 году, существовала система обязательного распределения выпускников вузов, причем чаще всего мнение вчерашнего студента в расчет не принималось. С нашего биофака почти всех направляли в школы учителями. Я же мечтал уехать в какой-нибудь дальневосточный заповедник. У меня был козырь: помимо овладения профессией зоолога, я занимался в небольшой экспериментальной группе по специальности «Охрана природы». Кажется, это был всего четвертый выпуск на весь Советский Союз, в нашем университете — первый. Декан И.И. Дедю и завкафедрой зоологии М.Н. Лозан пошли мне навстречу и дали право найти самому место работы. Так благодаря этим людям судьба вновь подыграла мне.

После защиты диплома мужскую часть выпускников направили на двухмесячные военные сборы — зарабатывать погоны лейтенанта. Вот тогда я взял справочник по заповедникам и написал письма сразу в несколько мест: «Молодой зоолог, специалист по охране природы, имеющий опыт (какой там опыт! — но понял я это позже) полевой работы, в том числе и в заповеднике, фотограф, желает трудоустроиться...» Я был убежден, что везде только и ждут меня. Потом-то я понял, как я был наивен и как мне повезло: ведь в то время желающих устроиться в заповедник было очень много. Начал с Баргузинского заповедника (на Байкале), и далее на восток. Мой друг, староста нашей группы Миша Надкерничный помогал мне, копировал письма своим каллиграфическим почерком. Рядом сидел однокурсник Серега Гончаренко и тоже внимательно изучал справочник. Вдруг он ожилился:

— Кыра (это моя кличка со школы), слушай: изумительнейшее место — «Кедровая Падь». На границе с Китаем и Кореей, самый южный в Приморье заповедник! Чуть ли не субтропики, и леопард там есть!

В этот момент я писал письмо в Сихотэ-Алинский заповедник, мечтая приобщиться к изучению тигра. Я взглянул на карту. Кроме Камчатки, дальше ехать некуда. Леопард в сравнении с тигром не вызвал у меня особого энтузиазма. Однако мелькнула мысль, что по тигру есть немало работ, а вот по леопарду мне встретилась только одна. Написал письмо и в «Кедровую Падь».

Оттремели военные сборы, в августе нам выдали дипломы. И тут я стал получать один за другим стандартные отказы на мои

запросы: в настоящее время штат заповедника укомплектован и нет возможности вас трудоустроить...

Время шло, я устроился на работу в Институт рыбного хозяйства и уже перестал надеяться, как вдруг в конце ноября получаю ответ из «Кедровой Пади»: «Приглашаетесь на переговоры по поводу вашего трудоустройства». С одной стороны, радость — положительный ответ, а с другой... — ничего себе, лететь за одиннадцать тысяч километров, чтобы узнать, возьмут тебя на работу или нет.

Я раздумывал недолго: как-нибудь и кем-нибудь устроюсь, а дальше жизнь покажет. Но с отъездом задержался — надо было отработать хотя бы до Нового года, да и хотелось последний раз отметить этот праздник дома.

Наконец после долгих проволочек я отправился в Киев — ближайший город, из которого можно было улететь во Владивосток. Но в Киеве обратил внимание, что мой самолет делает посадку в Иркутске. Почему бы не посмотреть Байкал? Я взял билет только до Иркутска.

Поздно вечером самолет приземлился в Иркутске, и я тут же поспешил на железнодорожный вокзал. Спрашиваю в кассе билет на Владивосток. Вот наивность — билеты на две недели вперед распроданы! Но моя везучесть и здесь не подвела: нашелся один билет на фирменную «двойку», отходящую через пару часов. Как птенец, вылетевший из гнезда, я стал демонстрировать свою независимость, отправился в ресторан и заказал 150 граммов коньяка и отбивную. Улыбчивая официантка, подметив мое романтическое настроение, попыталась раскрутить меня на большее. Тут же подскочили и привокзальные жулики с предложением всяких услуг. К счастью, я уже имел опыт поездок и сел в вагон вовремя и безо всяких потерь.

Байкал я увидел, к сожалению, только мельком, на рассвете. Но и ради того, чтобы увидеть знаменитое озеро в течение нескольких минут, стоило сделать остановку в Иркутске. Картина меня потрясла. Этих мгновений хватило, чтобы понять, почему Байкал называют священным морем.

Далее последовали зимние пейзажи Забайкалья и Амурской области. Меня поразил случай на одной из станций. Поезд остановился на ней под утро. И тут к вагону-ресторану ринулась толпа. Люди в ватниках, с почерневшими то ли от мороза, то ли от пьянства лицами лихорадочно совали буфетчику деньги и просили продать... яйца! Я был поражен. Боже мой, куда я еду? Если здесь люди глубокой ночью так остервенело пытаются раздобыть яйца, то что ждет меня там, на самом юге Дальнего Востока?!

Компанию в купе мне составили пожилой геолог и парнишка, курсант морского училища. Они рассказывали о Приморье, о крае, где мне предстояло работать. От них я узнал, что мне нет смысла ехать до Владивостока, а лучше сойти в Уссурийске и пересесть на хасанский поезд.

В Уссурийск мы прибыли утром 13 января. Было ужасно холодно в моей легкой одежке. На перроне вокзала я обратил внимание на странных воробьев — они были почти черные. Потом мне объяснили, что это вовсе не популяционная вариация. Уссурийск отапливается множеством мелких котельных, и воробьи спасаются по ночам от морозов в трубах этих отопительных заведений.

Несколько часов я гулял по Уссурийску, ожидая поезда. Этот провинциальный городок показался мне ничем не примечательным, лишь название будоражило воображение. Ведь именно по Уссурийскому краю когда-то путешествовал знаменитый ученый-писатель Владимир Клавдиевич Арсеньев.

Наконец-то сижу в поезде Новочугуевка — Хасан. Мои соседи — молодые ребята, железнодорожники — в первые же минуты, еще и поезд не тронулся, достали пару бутылок водки, селедку и другую закуску. Безо всяких колебаний, обыденно и уверенно, предложили мне присоединиться к их компании.

Выяснилось, что ребята со станции Приморская, с той, до которой я добираюсь. Узнав, что я еду в заповедник, они подробно объяснили, как дойти до него от станции.

Вечером, в половине восьмого, я вышел на станции Приморская. Мне предстояло пройти до усадьбы заповедника пешком четыре километра. Было уже темно, но, поскольку мои попутчики толково объяснили дорогу, я без труда добрался до усадьбы. Невдалеке от дороги журчала не замерзшая на перекате речка Кедровая. За полтора километра до усадьбы дорога сворачивала в лес. Даже ночью этот промежуток пути произвел на меня впечатление: я помнил, что в заповеднике водятся леопарды.

Первые впечатления

В директорском доме дверь мне открыл высокий седовласый мужчина. Это и был директор заповедника Павел Петрович Арсенов. Он встретил меня очень радушно, правда, пожурил за поздний приезд — ждали еще в декабре. Тут же отправил меня в баню, а после нее пригласил к себе, на холостяцкий ужин.

За ужином началась обстоятельная беседа. По просьбе Павла Петровича я рассказал о себе, о том, что диплом написал по теме «Охотничья фауна Молдавии», причем с природоохранным уклоном, рекомендуя сократить охоту на животных некоторых видов и предлагая меры к повышению их численности. Похвастался полевыми достижениями — впервые за последние сто лет обнаружил в Молдавии лося — и не одного, а целую размножающуюся группу. Показал свои, как мне казалось, лучшие снимки животных, растений, пейзажи.

Хозяин рассказал о заповеднике, о коллективе. Сам Павел Петрович — бывший преподаватель Уссурийского сельскохозяйственного института. Этот удивительный человек умел увлечь, зажечь молодежь и потому снискал у студентов уважение и любовь. Добровольные природоохранные дружины из института с удовольствием помогали нам охранять заповедную территорию.

Тогда же, за ужином я узнал, почему в заповедник пригласили именно меня. Оказывается, на одну вакантную ставку пришло более ста заявок. Павел Петрович долго не решался выбрать подходящую кандидатуру и в конце концов попросил сделать это молодого ботаника Катю Жукову, устроившуюся в заповедник осенью. Катя перечитала все письма и выбрала мое. Так я получил приглашение, а Катя впоследствии стала моей женой.

Долго обсуждали, в каком амплуа я буду работать в заповеднике. Я не скрывал своих карьерных намерений — хотел заняться «чистой» наукой и поскорей защитить диссертацию, а работать был готов хоть простым лаборантом. Павел Петрович убеждал меня в том, что без практики в реальной охране заповедной территории мне будет трудно делать теоретические выводы. Кроме того, в лаборантах я обязан буду работать на кого-то, а, к примеру, инженером по охране буду более свободен. В итоге он предложил мне устроиться на эту должность, уделять столько внимания прямым обязанностям, «сколько позволит совесть», и параллельно заниматься наукой. Я согласился, и жаль, потому что Павел Петрович проработал в «Кедровой Пади» недолго, а другие директора этого джентльменского соглашения не признавали.

Та памятная доверительная беседа длилась до утра. Бодрость поддерживала настойка на листьях женьшеня, которой угостил меня Павел Петрович. Летом, когда созревают плоды женьшеня, рассказал он, сотрудники охраны рассеивают семена и срывают стебель, чтобы браконьеры не смогли найти корень. А поскольку он сам часто участвует в этих мероприятиях, один стебель женьшеня принес домой.

Павел Петрович предложил мне несколько дней отдохнуть, адаптироваться к местному времени и обстановке и предупредил, чтобы один я в лес далеко не заходил.

На первое время я поселился в гостинице — пока не освободится какая-нибудь квартира. В комнате, где я расположился, остались чьи-то вещи, оказывается, той самой Кати Жуковой, благодаря которой я попал в заповедник. Устраиваться в комнате без хозяйки было неудобно, и я решил прогуляться по окрестностям усадьбы заповедника.

Был чудесный солнечный день. Я прошелся вверх по Кедровой. Несмотря на сильные, до 30 градусов, морозы, на перекатах речка не замерзала. Но спокойные участки реки покрылись толстым льдом и пушистым снежным ковром. В устье ближайшего ключа образовалась огромная наледь — ледопад. Метров через сто я наткнулся на следы крупной кошки — либо леопарда, либо рыси. (Лишь потом я узнал, что рыси в заповеднике нет.) Я был поражен, что в ста метрах от усадьбы бродят дикие кошки! Забыв о предупреждениях директора, забыв обо всем на свете, я отправился на свое первое тропление. Следы повели на южный склон сопки, примыкающей к усадьбе. Ну и ну! Зверь прошелся по склону над усадьбой в 50 — 70 метрах! Полежал на большом камне с видом на дома и удалился вверх по склону. Уже вечером, и я поспешил вниз, к усадьбе.

Трудно было поверить, что в первый же день пребывания в заповеднике я увидел следы, как позже подтвердилось, действительно леопарда. Судьба настойчиво сводила нас.

Вскипятив чай, я пытался разобраться в навалившихся на меня впечатлениях. Даже для молодого человека, немало путешествовавшего, все же было слишком много нового и удивительного.

Мимо окна пробежал какой-то мальчишка. «Мальчишкой» оказалась Катя Жукова. Мы познакомились, и она пригласила меня на ужин. После робкого моего отказа Катя объяснила, что, поскольку я человек новый, неприспособленный к местным условиям, по традициям заповедника первые дни должен быть опекаем, и совершенно нет возможности мне отказаться.

Я отправился в гости. Меня ожидала компания молодых сотрудников заповедника. Оказывается, мне устроили настоящие

смотрящая. Хозяйка — Ира Ключенкова, смуглая, похожая на цыганку, — метеонаблюдатель, Таня Захарова, изучавшая в заповеднике лягушек, весьма экстравагантная и нервная, и лаборантка Тонечка, девица с огромными глазами.

На ужин был суп из консервированной сайры. После изысканной молдавской кухни, где даже обычный завтрак состоит из пяти различных блюд, этот суп показался мне чистейшим варварством. Впрочем, он был вполне съедобным. Съесть его мне удалось не сразу, поскольку Таня Захарова с места в карьер забросала меня вопросами: зачем приехал, с какой целью, какая специализация, чем собираешься заниматься, как относишься к генетике, как — к женщинам и как, вообще, у тебя с сексом? Таня окончила Новосибирский университет, где традиционно сильна школа генетики, и дальнейшим продолжением беседы стала экзаменация меня по этой специальности. Хотя в Кишиневском университете генетика преподавалась довольно слабо, я изучал ее самостоятельно в гораздо большем объеме, чем требовала программа, и поэтому в беседе, переросшей в спор о генетике, выглядел достаточно убедительным.

Уже на второй день я устал отдыхать и приступил к работе. Павел Петрович представил меня начальнику охраны Анатолию Куделю и инженеру по охране Борису Захарову, или Босеньке, как его звала жена Татьяна. Они ввели меня в курс дела, начав со знакомства с «Летописью природы» заповедника. «Летопись» — это ежегодные отчеты, составляемые по совокупности наблюдений за природой заповедника по стандартной методике.

Мои занятия прервала завхоз заповедника Валентина Рыбалко, потребовав, чтобы я немедленно получил на складе под отчет причитающиеся мне вещи. Их оказалось много: зимний костюм инженера леса; летний костюм; форменный костюм; противоэнцефалитный костюм; сапоги кирзовые, резиновые, болотные; тулуп, плащ, посуда, свечи, фонарики и еще масса вещей. При попытке возразить, зачем мне все это, она строго заявила: «Мое дело — выдать, а твое — получить, а потом поступай со всем этим барахлом как хочешь!» (Вот были времена в заповедной академической системе — экспедиционное обеспечение по полной программе!) Перетащив полученное барахло в гостиницу, я основательно заполнил свою небольшую комнату.

Как новичка, меня часто приглашали по вечерам на чай, и я вскоре познакомился со всеми сотрудниками заповедника.

В конце марта начался сезон пожаров. Эта страшная беда уничтожала и продолжает уничтожать тайгу Сибири и Дальнего Востока. На юге Приморья сезон пожаров совпадает с началом

огородного сезона. Обжиг огородов стал причиной первого пожара, в тушении которого я принимал участие. Один из жителей поселка Приморский поджег сухую траву на огороде, и огонь устремился в сопки к границам заповедника. Пожарная бригада — а это практически все мужчины заповедника — выехала к очагу. Я азартно принялся тушить огонь, но «старички», старшие сотрудники, работали на удивление не спеша, размеренно, и даже меня сдерживали:

— Не спеши, пацан, быстро выдохнешься, и тушить некому будет. Гореть еще долго будет.

Потом я понял: когда огонь поднимается вверх по склону, его невозможно остановить нахрапом, важнее сохранить силы и тушить последовательно, шаг за шагом. Но тогда, видя, как огонь пожирает с огромной скоростью траву и кустарник, я изо всех сил старался быстрее его погасить. Удивила меня сова — она села на небольшом деревце, шурилась от дыма, но не улетала. Я быстро выдохся, но, чтобы не позориться, пыжился до последнего. Пожар мы потушили поздно вечером, уже на вершине хребта, на границе заповедника, как и предсказывали «старички».

Полевое крещение

«События сегодняшней ночи заставляют меня срочно описать то, что сейчас происходит со мной. Потому что если ОН сожрет меня, то никто не узнает, как это было, а если не сожрет, то завтра впечатления будут уже не те, что сейчас.

Уже час ночи, я немного успокоился, сижу и поддерживаю огонь в костре...»

Эти строки были написаны мной в полевом дневнике у ночного костра 19 марта 1977 года. Я долго не решался опубликовать эту историю, потому что мой друг, которому я рассказал ее по свежим впечатлениям, посмотрел на меня как на новоявленного Мюнхаузена. Единственным подтверждением ее достоверности остался мой полевой дневник. Не редактирую текст, чтобы передать именно первоначальное ощущение и ненароком что-нибудь не поправить, не домыслить.

Начало весны. Я только-только начал знакомиться с территорией заповедника. В тот день я намеревался пройти по одному из хребтов в центральную часть заповедника, где находится избушка — зимовье. В спутники хотел пригласить Катю Жукову, такую же «зеленую» сотрудницу заповедника, как и я, поэтому прихватил из своих запасов бутылочку родного молдавского вина. Но не застав Катю дома, оставил записку о своем намерении побродить по центру заповедника и пригласил составить компанию.

Забравшись на самую высокую вершину хребта, я залюбовался пейзажами, представляя, как они восхищали первоисследователей здешних мест — Николая Михайловича Пржевальского, Владимира Клавдиевича Арсеньева, Михаила Ивановича Янковского. Замечтавшись, я здорово припозднился и спускался по крутому склону уже в сумерках. Пошел мелкий снежок, закрывшие небо тучи еще больше сгустили сумерки. Раза два в темноте от меня шарахнулись олени и косули.

В избушке я был только раз и подходил к ней с другой стороны, по основной тропе. А здесь ориентировался еще плохо. Далее — по дневнику:

«...Когда я спустился в долину, было уже темно. Попытки найти избушку привели лишь к тому, что я окончательно заплутал. Во мраке белели свежим снегом тропы животных, и я решил, что этот ориентир в конце концов выведет меня на центральную тропу. К тому времени мой фонарик окончательно подсел.

Вскоре тропа оборвалась в реку. Перебравшись на другой берег, я стал искать ее продолжение. Вдруг в зарослях ивняка ус-

лышал слабый шорох: встало с лежки какое-то животное. Я «мигнул» фонарем (на большее батарейки были неспособны) и тихо свистнул. В ответ раздался глухой, внутриутробный, густой рык. Не грозный, а скорее предупреждающий. Такой, про который говорят «леденящий душу». Зверь сделал несколько шагов в мою сторону и опять зарычал. Волосы у меня встали дыбом, внутри похолодело. В первое мгновение было огромное желание бежать. Но я сдержался, попятился на лед и пошел по реке вниз по течению. Пошел довольно быстро. Леопард или тигр (я не знал точно, кто это был) тоже вышел на русло и двинулся за мной.

Русло я выбрал не случайно. В такой темени только на льду реки можно разглядеть что-нибудь метрах в трех. К тому же тлела надежда добраться по реке до избушки. Снег за день подтаял, к вечеру опавшие листья подморозило, и они громко хрустели. По этому звуку я понял: зверь сопровождает меня берегом реки.

В одном месте я наткнулся на промоину, над которой нависло подмытое рекой дерево. Перехожу по нему на другой берег, а оно предательски раскачивается. Всматриваюсь в темноте — где бы лучше спрыгнуть? И тут чувствую, как дерево сильно раскачалось: кто-то идет по нему за мной! У меня подкосились ноги, волосы опять встали дыбом, и снова огромное желание побежать. Не помню, как пролез сквозь крону упавшего через речку дерева и опять двинулся по реке, невольно ускоряя шаг.

Где-то слева должна быть избушка, но именно в той стороне вновь хрустнули листья. Я так и не решился свернуть с реки в кромешную тьму, навстречу зверю с леденящим рыком. Но и шагать по реке семь километров до усадьбы в таком сопровождении — ненамного радостней. В голову полезли кровавые истории из книг Сингха* и Корбетта**. Вспомнилась недавняя заметка из журнала «Природа» о тигре-людоеде в Лазовском районе. Больше всего меня тревожила неопределенность: я не знал, какой именно хищник сопровождает меня. Ведь в заповеднике обитали и леопард, и тигр.

Вдруг весенний лед не выдержал, я провалился в промоину и набрал полный сапог воды. Останавливаться и выливать воду? Но справа по берегу наступают шаги. На ходу закурил в надежде дымом отпугнуть зверя. Побренчал ключами. Все безрезультатно. Зверь даже обогнал меня: впереди с крутого берега осыпалась галька. Теперь мне предстояло еще и пройти под НИМ! Я

*Керси Сингх — индийский охотник-натуралист, более 30 лет возглавлявший управление по делам охоты в индийских княжествах. Автор книги «Тигр Раджастхана» и др. — *Ред.*

**Джим Корбетт — английский охотник-натуралист, родился в Индии, отдал много сил охране природы этой страны. Автор книг «Кумаонские людоеды», «Леопард из Рудрапраяга», «Людоеды Цаво» и др. — *Ред.*

остановился в нерешительности: зверь вполне мог устроить на крутом берегу засаду. И тут же думаю: какая глупая мысль, если бы он хотел напасть, давно бы это сделал.

На левом берегу — небольшая коса, поросшая ивняком, вот здесь и заночую. Веточки ивняка покрылись корочкой льда, и я долго не мог их разжечь. Наконец развел огонь, и по мере того как разгоравшийся костер освещал все больший круг, стал собирать дрова. Моя пижонская одежка была рассчитана на весенний день, но никак не на ночевку в лесу. Впрочем, спать, скорее всего, и не придется. Повезло — нашел на косе две валежины. Развёл под ними костер и сам устроился между ними.

Вдруг отчетливо слышу — зверь бежит в мою сторону. На берегу резко останавливается: с обрыва посыпалась галька. Я швырнул на звук пару горящих веток, но удаляющихся шагов зверя не услышал. Негромко, почти ласково проговорил в темноту: «Уходи отсюда. Я тебе ничего плохого не сделал». Результат тот же.

Вновь стал мучительно соображать, чем же смогу защищаться. Оружия я не брал, в этот раз даже перочинный ножик забыл. Вспомнил про бутылку вина в рюкзаке: если ОН подойдет, я разобью бутылку у него перед самой мордой. Если это его не испугает, у меня в руках будет стеклянное горлышко — хоть какое-то оружие. Но зачем разбивать полную бутылку, пустая произведет тот же эффект! После нескольких глотков родного молдавского вина я почувствовал себя храбрее. Все не так уж страшно! Щекочут нервы шорохи и шаги в темноте. Но ведь до сих пор ОН меня не тронул, хотя времени для этого у него было достаточно. И тогда я открываю дневник и при неровном свете костра излагаю события... Еще осталась пара бутербродов и половина бутылки прекрасного «Алиготе», а ОН все так же бродит вокруг...»

Ближе к утру выложил себе ложе из сухих веток, и сон сморил меня. Часто просыпался, чтобы подложить веток в костер. Проснулся довольно поздно — около девяти часов. Уже вовсю светило солнце. Я осмотрел все вокруг. В 40 — 50 метрах от костра была выбита кольцевая тропа: леопард (это был он, а не тигр) всю ночь бродил вокруг меня. Я направился по своим следам, чтобы понять, как произошла наша встреча. Оказалось, что вчера в темноте я забрел на километр выше избушки. Но что делал там леопард, узнать не удалось. Остатков его добычи, как ни старался, не нашёл...

Так состоялось мое полевое крещение, моя первая встреча со зверем, изучению которого я посвятил 28 лет.

ПОПАВШИЕ В БЕДУ

Летяжка

Летяга — небольших размеров грызун, внешне несколько похожий на белку. Но у него между передними и задними лапами натянута широкая перепонка, благодаря которой зверек отлично планирует с дерева на дерево.

Это создание оставило в моей душе самые нежные воспоминания. Как и все другие наши питомцы, летяга попала к нам случайно. К своему стыду должен признать, что эта случайность была спровоцирована мной и Юрой Шибневым, несмотря на наши добрые намерения. Мы в то время активно занимались фотосъемкой. Юра нашел в дуплянке семейство летяг — самку с четырьмя детенышами. Обычно, заметив, что в гнездо кто-то заглядывал, самка меняет свое убежище и переносит детенышей в другое место. Мы решили воспользоваться возможностью и сфотографировать весь процесс переноса малышей.

После заката солнца самка вышла на разведку, очень скоро вернулась в дупло и унесла первого детеныша. Когда она выглянула из дупла со вторым, неожиданно налетела неясность и схватила несчастную мать вместе с отпрыском. В дуплянке остались сиротами два слепых летяжонка.

Нам пришлось взять их выкармливание на себя. В это время у нас самих были маленькие дети (у Юры — девятимесячный сын, у меня — трехмесячная дочь). Крохотный комочек, доставшийся мне в силу несчастного случая, едва начал покрываться реденькой шерсткой. Ему было всего день-два от роду. Пары капелек из пипетки хватало, чтобы удовлетворить скромный аппетит зверька. Но через два-три часа он просыпался, и его нужно было кормить снова.

Через несколько дней у малыша стали прорезываться глазки. Небольшая щель, опущенная длинными ресницами, приоткрывала мутные зрачки и становилась все шире и шире. Вскоре раскрылись огромные очаровательные, полные любопытства глаза.

Все это время летяжонки покоились в остатках родного гнезда, помещенного в мою зимнюю шапку на вешалке. Пока он не прозрел, основная наша забота состояла в том, чтобы вовремя его кормить. Но когда этот чертёнок стал зрячим и понял, что мир бесконечен, он решил познать его в той мере, в какой позволяли его физические возможности. Какой был переполох, когда он впервые сумел выбраться из шапки в наше отсутствие! Мы искали его несколько часов. Когда все надежды на успех были утрачены, летяжонки вылез из другой шапки и, сладко зевая еще беззубым ртом, лениво потянулся, задрав передние лапки.

Летяжонок произвел огромное впечатление на нашу дочь и даже принял участие в ее воспитании. Женя очень часто просыпалась ночью. А летяга — животное сугубо ночное, вся его деятельность начиналась после полуночи. После очередной ночной побудки Катя кормила дочь и укладывала в кроватку. Летяжка тут же планировала на грудку спеленатого ребенка и аккуратно слизывала с губ остатки молока. Но не только еда интересовала зверушку. Часто она просто садилась на проснувшуюся Женю и, сложив лапки на грудке, устраивала «гляделки»: огромные черные глаза пристально смотрели в глаза нашей дочери. Это продолжалось по нескольку часов, и всё это время девочка не капризничала и не будила маму.

Правда, и тут не обходилось без проказ. Когда Женя хотела есть и звала Катю, летяжка, улучив момент, крада соску и забираясь с ней на трубу отопления, под самый потолок. А прежде чем бросить соску, обязательно обгрызала ее в нескольких местах.

К этому времени у зверька проснулось чувство собственности, и он начал метить территорию. Для этого летяга смачивала свой живот мочой, а затем терлась брюшком там и тут. Одним из мест мечения она избрала мою голову, неожиданно прыгала ночью мне на лицо и терлась об него, пока я не просыпался. Когда же я, проснувшись, начинал отплеиваться, зверек «целовал» меня в нос и лихо улепетывал в недосягаемый угол. Сколько радости было на его мордочке!

Однажды мы устроили праздник. Небольшая вечеринка закончилась танцами. Пока гости и хозяйева плясали, летяжка проснулась и очень заинтересовалась праздничным столом. После очередного танца я застал летяжку в бокале, где до этого было шампанское. Она сидела в нем в абсолютно человеческой позе — держась за края лапками. Заметив меня, предприняла попытку приподняться, громко икнула и рухнула на дно бокала.

Очнулась летяжка через час и стала обследовать посуду. После этого уже нельзя было оставлять сервант открытым. Малейшую щель, куда пролезал её коготок, она могла расширить, проникла внутрь и принималась прыгать по бокалам.

Летом подошло время моего первого отпуска, который я решил провести на родине, в Кишиневе. Летяжку я взял с собой. В аэропорту Владивостока она устроила маленькое «шоу», летая по всему аэровокзалу и собирая вокруг себя скучающую публику.

В Кишиневе летяжка всем очень понравилась, быстро освоилась в новой обстановке и объела все вишни в саду. Как я ни старался запереть ее в помещении, она постоянно сбегала. Как-то раз зверек использовал для побега газовую трубу отопления. Когда спустя несколько дней летяга неожиданно появилась, вся вы-

мазанная сажей, она кинулась ко мне и радостно облизала розовым язычком мой нос.

К сожалению, из Кишинева леляжка не вернулась. Когда она в очередной раз сбегала в соседний сад, там появились хозяева, и леляжка ловко спланировала прямо на них. Те не были готовы к неожиданному «нападению», перепугались и задавили зверька. Потом вместе с нами оплакивали нашего друга.

Афоня

Косуля — трогательное и беззащитное животное. Это воплощение нежности и грации является одним из главных объектов охоты и одним из основных компонентов питания многих хищников. В заповедниках косули защищены по крайней мере от одной, пожалуй, главной для них напасти — охоты. Иногда здесь находят приют осиротевшие малыши из соседних с заповедником территорий. В функции заповедника не входит выкармливание животных, но куда девать осиротевших детенышей, если нет поблизости специализированных центров реабилитации животных — учреждений очень нужных и пока еще немногочисленных в нашей стране.

Косуля приносит потомство обычно в июне. Новорожденный малыш почти сразу становится на ноги и вскоре способен ходить. Но очень рискованно всюду сопровождать мать — слишком много желающих полакомиться косулятиной, начиная с браконьеров, кончая хищниками и даже бродячими собаками. Поэтому первые дни жизни косуленок проводит в одиночестве. Мама кормит его ночью, а на день уходит сама кормиться и, в случае опасности, уводит врага подальше от своего чада. Так продолжается несколько недель, пока косуленок не станет столь же резвым, как мама, и не сможет поспевать за ней, если грозит опасность. А до того времени он лежит в траве, затаившись, не шевелясь. В Приморье в этот период обычно идут нескончаемые морозящие дожди с холодными туманами. Поэтому косулята сильно мерзнут в одиночестве и некоторые из них в холодные годы гибнут. Хорошо, если мама родила двойню и компанию составляет братец или сестричка. Но даже в этом случае они лежат «ниже травы, тише воды». Только очень проголодавшись, уже ближе к вечеру, косулята начинают жалобно пищать. По крику и находит их мама.

Опасность грозит косуленку с самой неожиданной стороны. Зачастую он становится жертвой излишне сердобольных людей, не знающих особенностей косулей жизни. Найдя одинокого косуленка, люди думают, что мама бросила его, и из сострадания

забирают малыша, не зная, какую боль причиняют матери, наблюдающей из кустов, как уносят ее чадо. А забрав детеныша, люди чаще всего не знают, что с ним делать, — даже в деревне выкормить косуленка большая проблема, не говоря уж о городе. Вот и несут сироток в заповедники.

Так попал к нам Афоня. Ему было один-два дня от роду. Он еле держался на своих тонких, как спички, ножках. Люди, принесшие его, понятия не имели, как его кормить. Мы, в то время сами молодые родители, тоже не знали. Единственное преимущество было в том, что у нас была грудная дочь и приготовление молочных смесей было нам знакомо. Кроме того, мы только-только выкормили летяжонка. Правда, этот опыт здесь мало пригодился.

Коровье молоко было забраковано сразу, так как косуленок от него запоносил. Стали пробовать разные «Малютки» и другие молочные смеси, но ничего подобрать не смогли — у косуленка продолжалось расстройство желудка, и он слабел на глазах. Наконец из комбинации сухого молока, небольшого количества соли, сахара, масла и витаминов мы изготовили подходящую смесь, и, несмотря на глубокую грусть в огромных карих глазах, обранных длинными ресницами, Афоня повеселел. Он стал расхаживать по квартире, цокая по линолеуму точеными копытцами, суя мокрый черный носик во все углы. А соску он воспринял как родное вымя и бодал ее, когда молоко текло, по его мнению, слишком медленно. Первая задача была решена. Мы поняли, что сумеем выкормить малыша, и облегченно вздохнули.

Но стояла другая, не менее трудная задача — вернуть животное в природу. Поэтому с первых дней мы стали выгуливать Афоню по усадьбе. Очень скоро он начал есть траву. Перебирая черными губками различные растения, он съедал некоторые из них. Первое время я очень боялся, что он съест что-нибудь ядовитое. Но инстинкт подсказывал ему, что можно есть, а что нельзя.

Мы радовались хорошему самочувствию Афони, его игривому настроению. Днем он разгуливал по усадьбе, не упуская случая боднуть кого-нибудь. Но при этом всегда держал в поле зрения наш дом и огород, где можно было в случае опасности укрыться.

Со временем Афоня перестал ночевать дома, отсыпался ночью в огороде. Но утром, после очередной порции молочной смеси, он выходил из кустов и сопровождал меня в контору. Кого-то из сотрудников утром сопровождали собаки, а меня — Афоня. Проводив до конторы, он терпеливо ждал в кустах и, как только я появлялся на крыльце, выныривал с неожиданной стороны. Каждый раз Афоня выбирал себе новое убежище, и отыскать его было невозможно, пока он не выходил сам. Хорошо, что малыш быст-

ро откликался на зов.

С другими сотрудниками заповедника Афоня держался довольно настороженно. Нас с Катей это радовало, так как увеличивало его шансы на возвращение в дикую природу. Со временем он все реже приходил на кормежку и даже на зов стал выходить не сразу, иногда приходилось звать его часами. Хотя мы и волновались в такие моменты, но зато росла уверенность, что косуленок со временем одичает.

Кончилось все неожиданно трагично. При всей своей осторожности, Афоня не ожидал пакостей от собак. Наши собаки его нежно любили с младенчества и никогда не обижали даже играючи. Но вот соседский пес Мишка, редко переступавший порог дома и не отходивший за пределы видимости от своих хозяев, возомнил себя охотником. В наше отсутствие он вынюхал Афонию в кустах и устроил травлю. К тому времени Афоня уже резво бегал, ему не составило бы труда убежать. Но, не боясь собак, которые еще вчера облизывали его, играли с ним, Афоня даже не попытался скрыться. В итоге, очевидно, пес его сильно поранил. Покалеченный косуленок забился в кусты, и мы, к нашей горечи, не смогли его найти. С тех пор его больше не видели.

Герда

Другая косуля попала к нам настоящей сиротой. Было это много лет спустя. Один из жителей поселка Приморский, соседствующего с заповедником, нашел двух косулят возле косульей шкуры. У какого-то подлеца поднялась рука застрелить их мать. Одного из косулят этот житель взялся выкармливать сам, а другого, с открытым переломом левой передней ножки, привез в заповедник. Это оказалась самочка двух дней от роду. Честно говоря, мы мало верили, что ее удастся выходить. У копытных зверей переломы конечностей лечатся очень трудно.

Тем не менее мы попытались сделать все возможное. Совместили, как сумели, кости, наложили шины и перебинтовали ногу. При первой возможности повезли Герду — так мы ее называли — к ветеринару в поселок Барабаш. Ветеринар одобрил наши медицинские усилия, сделал укол и выдал антисептическую мазь. К нашей радости, он согласился наблюдать дикого пациента и в дальнейшем попросил привозить Герду на осмотр при каждой возможности. Она быстро пошла на поправку. С кормлением проблем не было, Герда быстро привыкла к коровьему молоку. Недели через три кость срослась, шкура на месте перелома перестала гноиться и вскоре заросла. Через месяц Герда лишь едва

заметно хромала. Но это нисколько не мешало ей проявлять свой веселый нрав. Она очень любила играть с детьми. У нас в то время подрастали пятилетний сын и трехлетняя дочь, у соседей рос пятилетний мальчуган. Они стали постоянной компанией Герды. Самой любимой была игра в догонялки: дети гурьбой убежали от косули, а она, догнав ближнего, бодала его, а потом сама удирала от всей ватаги.

Летом из-за жары дверь в наш дом всегда была открыта, и Герда могла уходить и приходить когда ей вздумается. Днем она паслась во дворе или, в перерывах между играми, лежала в тени.

В то время на усадьбе была только одна собака — умная сучка-ротвейлер Белла. Она с удовольствием подыгрывала Герде и не особенно уворачивалась, когда та ее бодала. А когда один из гостей пришел с щенком, то восторгу Герды не было предела — она научилась ловко поддевать его головой и перебрасывать через себя.

К осени Герда подросла, стала совершенно независимой, но все же любила заходить домой, чтобы выклянчить кусочек хлеба с солью. Да и ночевать в непогоду тоже приходила в дом. Мы даже погоду прогнозировали по ее поведению: если косуля шла ночевать в дом, жди дождя. А во время тайфуна даже днем ее нельзя было выгнать за дверь. Однако при всей своей независимости Герда проявляла и нежную привязанность, любила ластиться, словно собачонка. Ей особенно нравилось, когда почесывали лобик или за ушами. Иногда подходила и тыкалась черным мокрым носом в руку, просила — почешите. Если ласка запаздывала, Герда начинала злиться, тыкалась все настойчивей, бодалась и капризно топала передней ножкой.

Вспоминается комичный случай знакомства косуленка с дикими животными. Правда, в тот раз дикое животное было, как нам показалось, не совсем нормальным. Мы с дочкой сидели на крыльце и наблюдали, как рабочий ремонтирует сваркой бак для воды. Герда бродила по двору и явно скучала, не находя себе развлечения. Вдруг из-под крыльца вылетел ярко-рыжий колонок. Я опешил — обычно этот маленький хищник избегает днем появляться на людях, только ночью он иногда шкочит, забираясь в курятник. Но этот колонок был явно не в себе. Он подскочил к кабелю от электросварки и начал яростно грызть его. Это привлекло внимание Герды, и она, медленно приблизившись, стала осторожно обнюхивать неизвестного ей зверька. Тот переключил свое раздражение на Герду и вцепился ей в нос! От неожиданности Герда отпрянула и резко мотнула головой. Бедный колонок взмыл высоко вверх и, совершив несколько сальто, брякнулся на землю. Это несколько охладило его пыл, и он затрусил дальше.

На его пути оказался курятник. Рядом куры клевали размоченный хлеб из миски. Колонок направился прямо к ней и, не обращая внимания на кур, набросился на хлеб. Интересно, что куры его не особенно испугались, только отошли от миски и с недоумением уставились на неожиданного нахлебника.

Интересна была и реакция нашей дочки Дианы. Она продолжала сидеть на крыльце и наблюдала за происходящим, хотя и внимательно, но без особого оживления. Для нее все это было будничным. Вообще дети, растущие в заповеднике, относятся к животным не как городские, безо всякого страха и без сюсюканья. Они воспринимают их как вполне естественную часть своей жизни. И я очень рад, что все трое наших детей родились и растут (а старшая дочь уже взрослая) среди заповедной природы.

Как-то в заповедник приехала большая группа японских журналистов и активистов-экологов. После экскурсии мы собрались всей компанией на обед у нас в доме. Во время обеда продолжались вопросы и обсуждение. Наконец все выдохлись и наступила долгожданная для меня пауза — должен же и я поесть. И вдруг в возникшей тишине послышался звонкий цокот. В открытую дверь входит Герда, прямым ходом направляется к столу, нагло стаскивает у японца из тарелки кусок хлеба, начинает его жевать. Я вижу реакцию гостей — все поражены, и, решив их разыграть, делаю безразличный вид. Герда между тем дожевала хлеб и начала искать в других тарелках чего-нибудь вкусненького. Наконец один из японцев обрел дар речи:

— Что это? Откуда?

Продолжая невозмутимо есть, я мельком взглянул на Герду и как можно небрежней бросил:

— А леший его знает откуда. Здесь всякие животные бродят. Заповедник ведь!

Только через несколько минут, когда понял, что гости останутся голодными, сидя с разинутыми ртами, я объяснил, откуда у нас Герда. После этого гости еще минут десять не могли есть из-за хохота. Они-то приняли мою шутку за чистую монету.

Герда дожила у нас до глубокой осени. Она выросла и превратилась в красивую коосулю. Совершенно не хромала, о переломе напоминал лишь шрам и небольшое утолщение на месте бывшей раны. Она полностью приспособилась к жизни в лесу, иногда еще заглядывала домой, но не за едой, а пообщаться с нами. Она, очевидно, принимала нас за членов своего стада. Зайдет домой, потретя головой и шеей о ноги, получит в ответ кусочек посоленного хлеба и снова уходит в лес.

А закончилось история с Гердой опять-таки не так, как хоте-

лось бы. К нам в гости часто приходила молодая женщина с ребенком, дочь одного из сотрудников заповедника, умершего за несколько лет до этого. В тот раз за ней увязалась ее собака. Зная, что может прийти Герда, женщина привязала пса у крыльца. Герда действительно пришла. Собака, завидев ее, сильно рванулась, веревка не выдержала. Услышав лай, мы выскочили на улицу. Герда поняла, что эта собака не намерена с ней играть, как прежние ее знакомые, и унеслась в лес. Все попытки подзвать собаку кончились безрезультатно, обезумевший пес умчался вслед за косулей. Через полчаса он появился. Но вот Герду мы больше никогда не видели. Очень хочется верить, что пес ее не поймал, а только угнал глубоко в лес, и она не смогла найти дорогу домой. Или не стала искать...

Бурундучок

В тот год заповеднику «Кедровая Падь» повезло. Институт нашел деньги на реконструкцию минерализованной полосы. Это полоса вдоль границы заповедника, с которой снимается слой почвы вместе с растительностью, после чего голая земля служит препятствием для пожаров. С академической автобазы прибыл мощный бульдозер с бульдозеристом Сашей по фамилии Таран, соответствующей его профессии. Прекрасный парень и старательный работник лихо взялся за порученное дело. Конечно, для заповедника такая процедура необычна, ведь уничтожается растительность на участке шириной в 15–20 метров. Но это всё же лучше, чем допустить пожар, который уничтожит многие гектары леса. Вот Саша и старался выполнить работу качественно, как того требовала его профессиональная гордость.

Не его вина, что на пути бульдозера оказалось гнездо бурундука. Вся семья — мама и одиннадцать бурундучат — погибла! Чудом уцелел один слепой бурундучонок, да и тому гусеницей бульдозера отдало половину хвоста. Когда обнаружилась эта трагедия, Саша немедленно прекратил работу и побежал в усадьбу заповедника с несчастным сиротой. Виногато протянув мне малютку, он с надеждой на чудо попросил: «Вдруг выживет... попробуй!»

Надежды почти не было. Крошка с комфортом мог бы разместиться в наперстке. Видно, ему было всего два-три дня от роду — шерстка только начала пробиваться. Скорее из чувства долга, чем с надеждой на положительный результат, я взял этот комочек плоти на свое попечение.

Дома нашлась банка сгущенного молока — единственное, что

я мог предложить зверюшке. Разбавив его тёплой водой, я намочил в нем ватку и поднес к роту бурундучка. Тот высунул язычок и вяло, бессильно лизнул ватку. Жажда жизни заставила его проделать это несколько раз. Наконец малыш насытился и уснул. Сон у таких крошек длится недолго, они постоянно просыпаются от голода. Через два часа я снова покормил бурундучка. К счастью, сгущенное молоко вполне подошло для питания.

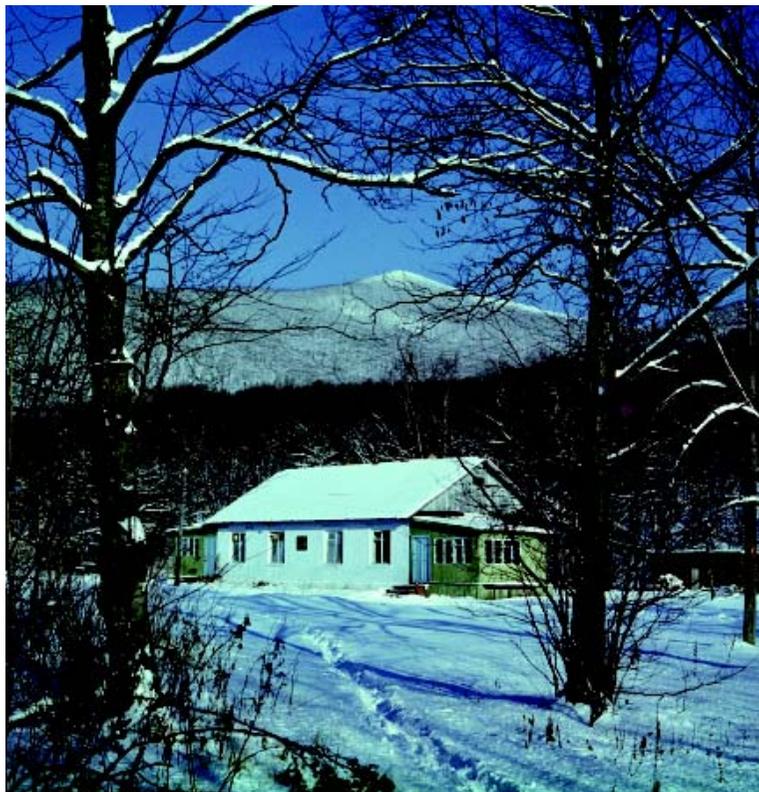
Малыш рос как на дрожжах, через день у него открылись глаза. А еще через несколько дней возникла проблема удержать его на виду: он постоянно убегал, после чего приходилось часами его разыскивать.

Чтобы исключить нежелательные последствия, я принёс огромную клетку, сделанную из оцинкованной сетки. Ячей этой сетки были слишком велики, и бурундучок легко протискивался сквозь них и улепетывал. К этому времени у бурундучка проснулся инстинкт грызуна — тяга к накопительству, и он начал готовить запасы. Он набивал, как хомяк, защечные мешки всем съедобным и пытался утащить добычу в потаенные места. Но унести припасы из клетки ему долго не удавалось: раздутые щеки не проходили в ячейю.

Как-то я насыпал в клетку семечек подсолнуха. Быстренько поев, бурундучок деловито набил семечек за щеки и побежал прятать. Но мордочка никак не пролезала сквозь решетку. Озадаченный бурундучок метался по клетке, потом сообразил, что семечки можно выплюнуть. После этого он легко вылез из клетки. Однако семечки остались внутри! Зверек вновь залез туда, собрал семечки и снова не смог вылезти. Он опять выплюнул семечки. Только на пятый раз бурундучок сообразил, что следует сделать. Он выплюнул семечки наружу, выбрался из клетки, с радостным писком подобрал их и умчался прятать. Теперь зверек жил свободно, выбирая себе место по собственному усмотрению.

Одной из любимых его забав было щекотать меня. Когда я лежал в кровати, наступал час бурундучка. Из-за спинки кресла вновь и вновь выглядывала хитрая мордочка. Как будто зверек проверял, настроен ли я на игру. Убедившись в моем благодушном настроении, бурундучок срывался с места, ветром облетал несколько раз спинку кресла и пулей залетал мне под штанину. Быстро-быстро поскребет своими острыми коготочками по ноге и тут же стремительно умчится в угол.

Малыш быстро вырос и стал настоящим, несмотря на отсутствие половины хвоста, бурундуком. Поиск новых мест привел его как-то к открытой форточке, и он ускакал в лес. Для меня всегда большая радость, если животные возвращаются в родную среду, но расставаться с выращенными зверьками очень груст-



Контора государственного заповедника
«Кедровая Падь»



Река Кедровая морозным утром



Жимолость Маака



Таежная избушка — зимовье



Следы леопарда



Автор показывает следы леопарда коллегам из Китая



Дальневосточный леопард



Автор (справа) и «заповеднический Дерсу Узала»
Юрий Шибнев



Взаимная любовь

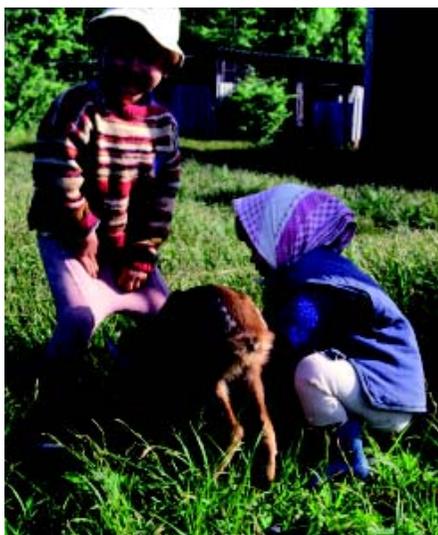


Летяга



Бурундук

«...Дети, растущие в заповеднике, относятся к животным не как городские, безо всякого страха и без сюсюканья. Они воспринимают их как вполне естественную часть своей жизни. И я очень рад, что все трое наших детей родились и растут (а старшая дочь уже взрослая) среди заповедной природы».



Семейство иволги



Уно — любимец детей



Евгения Коркишко с Гердой

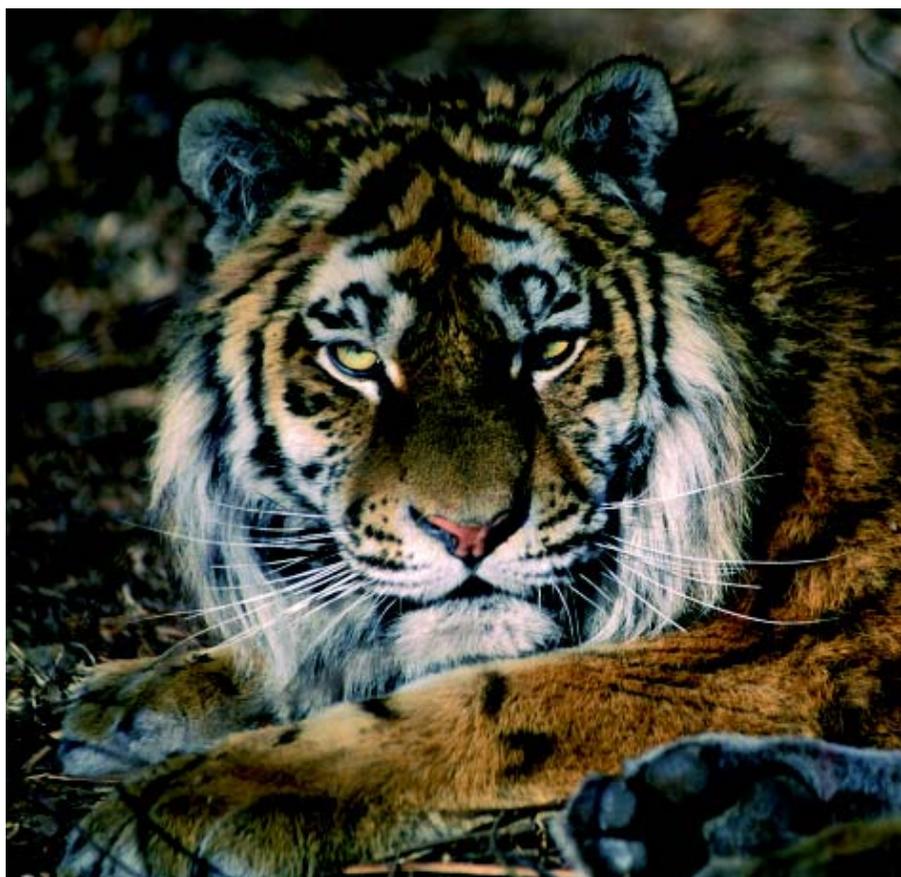


Деревянистая лиана актинидия острая





Лазовский заповедник — место встречи автора с тигром





«Он снова шел сзади, сопровождая меня к перекату. Каким-то чудом я, не замочив ног, пересек реку и оказался на другом берегу. У воды хищник остановился и стал пить. Я все дальше уходил от него. И последняя картина: в глубоких сумерках тигр стоит, высоко подняв голову, и смотрит в мою сторону».



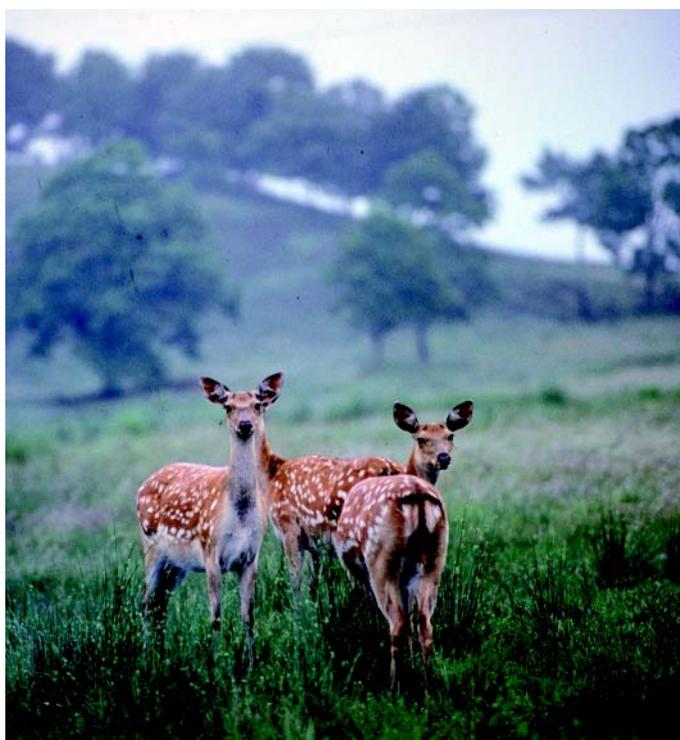
Гималайский медвежонок



С каменистых россыпей заповедника виден Амурский залив



Весна в горах



Пятнистые олени

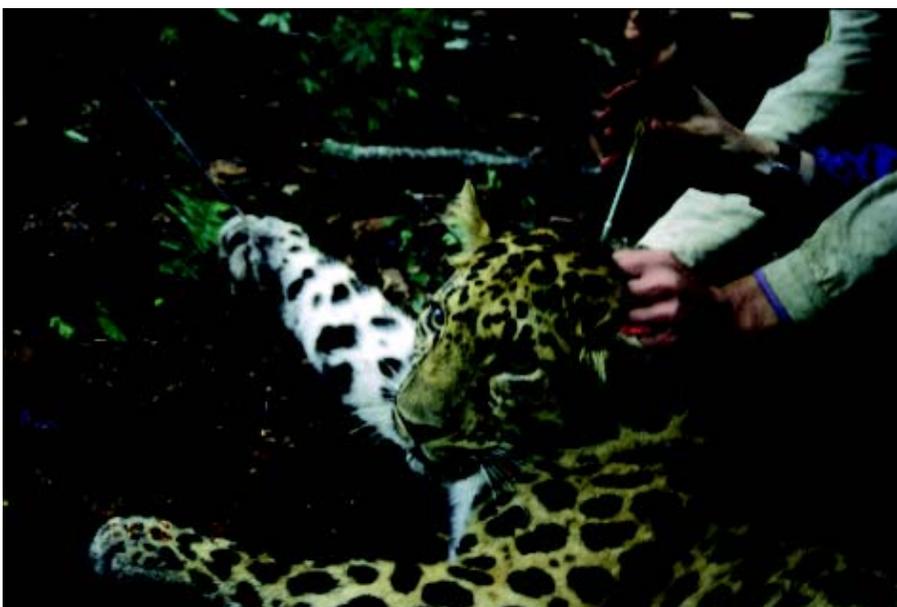


«Совсем стемнело, когда перешли реку. Леопард встретил нас глухим рыком. Джек втолкнул шприц в трубку и подошел ближе. Леопард сделал в его сторону предупреждающий выпад — не подходи! Когда до зверя оставалось метров восемь, тот в отчаянии бросился на Джека, но трос отбросил его назад. Джек метко выпустил в него один шприц, второй, и леопард притих. Доза была небольшой: не зная веса зверя, мы боялись переборщить с иммобилизатором. Третью инъекцию совсем зачихшему, но еще не уснувшему зверю Джек сделал руками. Глаза леопарда стали стекленеть.

Первым делом Джек укрепил на леопарде ошейник и включил приемник, чтобы послушать, как работает передатчик. Все в порядке — пикирует.



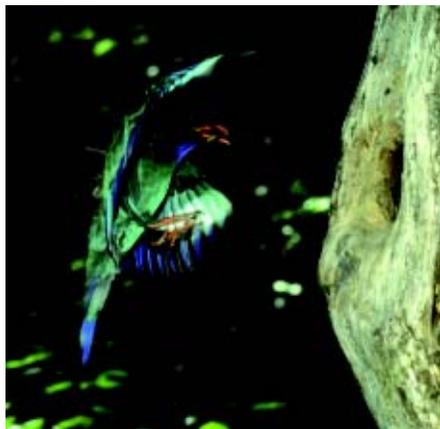
«27 мая 1993 года, спустя полтора года после того, как впервые был установлен радиопередатчик на амурском тигре, в заповеднике «Кедровая Падь» поймали и снабдили радиоошейником первого дальневосточного леопарда».



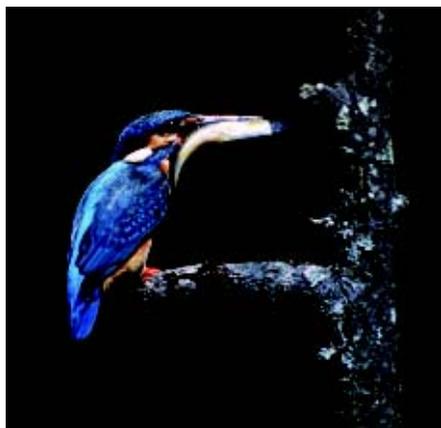
Навешивание радиоошейника и снятие параметров Светы



Голубая сорока



Широкорот

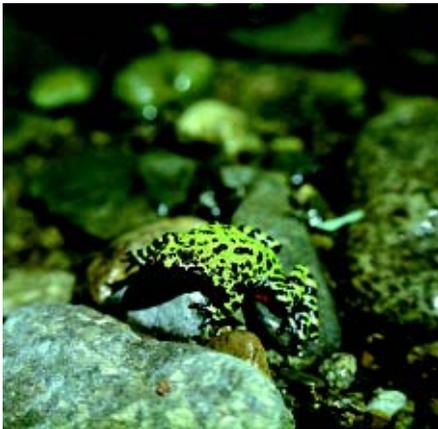


Зимородок

«Для пернатых климат «Кедровой Пади» крайне неблагоприятен. Мешают весенние холодные туманы: очень сложно прокормить потомство в промозглую погоду, когда насекомые — основной корм птенцов — малоактивны. Поэтому из 184 видов птиц, встречающихся в заповеднике, гнездится на его территории всего 96. Однако орнитофауна «Кедровой Пади» окрашена в тропические тона».



Короткопалый ястреб



Дальневосточная жерлянка



Амурский полоз

«Много в «Кедровой Пади» змей: амурский полоз длиной до двух метров, миниатюрный японский уж и ярко раскрашенный тигровый... Земноводных пять видов: сибирский углозуб, жаба, дальневосточная лягушка, а также похожие на лягушек жерлянка и квакша... Двенадцать видов рыб живут исключительно в чистой, холодной, горной воде. Из лососевых — сима, мальма и кунджа».



Карликовый самец симы



Река Кедровая



Аралия маньчжурская



Махаон Маака



Павлиноглазка
артемида

но. Поэтому через несколько дней я с надеждой подбежал к упавшему с грохотом горшку с цветами. Подумал, что бурундучок вернулся и учинил очередную проказу. Но оказалось, он напомнил о себе иным способом. Он закопал в цветочном горшке одну из своих заначек — семечки подсолнуха. Они проросли и выдавили землю вместе с цветком. Горшок потерял устойчивость и грохнулся на пол.

Очень хочется верить, что наш питомец прожил свой бурундучий век без особых неприятностей.

Иволжата

Третий день шел проливной дождь, первый тайфун пришел довольно рано. Вокруг усадьбы все плыло. Река Кедровая вздулась и шумела непривычно мутными водами. Для сотрудников заповедника это скучный период, все сидят по домам и ждут окончания дождя. Поэтому стук в дверь поздним вечером был неожиданностью. На пороге стоял наш местный Кулибин — Валера Чертуганов, рабочий, умевший из подручных средств собрать любую полезную для заповедника вещь. При этом он обладал редким для такого типа людей качеством — типичный технар, без всякого образования, вдобавок отсидевший три срока строгого режима за поножовщину, он трогательно любил природу и душой прикипел к заповеднику. Несмотря на мизерную зарплату и некомфортный быт оторванного от цивилизации поселка, Валера добросовестно нес свое бремя — обеспечивал жизнедеятельность нашего поселка. Вот и в этот ненастный вечер, заметив мигание лампочек, он отправился смотреть электролинию. Во время обхода он нашел на дороге выводок иволжат. И сейчас, стоя на пороге в мокром плаще, с тоскливой надеждой в глазах, протягивал на ладони четырех птенцов: «Может, выживут?»

Голые, посиневшие от холода птенчики еле проявляли признаки жизни. Все обитатели усадьбы знали это гнездо иволг. Крикливая парочка свила корзинку в развилке тонких веток прямо над дорогой. И каждое утро, собираясь в конторе заповедника, мы наблюдали за строительством гнезда, удивляясь смелости этих обычно осторожных птиц.

Видимо, корзинка не выдержала проливного дождя и провалилась. И вот теперь передо мной голые крошки, неспособные даже приподнять головки. Сквозь синюю кожицу только-только начали пробиваться пеньки перьев.

Надежды не было никакой. Как и чем кормить этих почти без-

дыханных птенцов? Но раздумывать было некогда. Прежде всего мы включили тепловентилятор. Когда тельца птенчиков порозовели, задумались — чем кормить? Ночью на свет в окнах летит множество бабочек. Мысленно перекрестившись и оправдывая себя, что делается это во спасение птенцов, я собрал несколько бабочек, очистил их от крыльев и чешуи, протолкнул в глотки обессилевших малюток. Результаты сказались через несколько минут — птенцы подняли головы и открыли глаза. После очередной порции глаза смотрели уже нахально: «А где еще?». В тот момент радости не было предела — неужели действительно получится? Я и не подозревал, какие заботы нас ждут.

Уже через день птенцы освоились в гнезде, сооруженном из шерстяных тряпок, требовательным взглядом посматривали на нового «родителя» как на родного. Их тихий, еще недавно почти предсмертный писк превратился в настойчивые и требовательные крики, прекращающиеся только на момент проглатывания еды. Я мобилизовал все ребячье население усадьбы (благо многие приехавшие на полевые работы ученые из нашего института взяли с собой детей) на ловлю кузнечиков и других букашек для прокорма шумных пернатых сирот.

Правда, наши птенчики сиротами себя не чувствовали. Завидев меня, они поднимали страшный гам. Со временем скромные пеньки пробились сквозь кожу и превратились в перья, заменившие младенческий пушок. Настал момент, когда они стали вспархивать. Я поселил их в бывшей бурундучьей клетке, довольно просторной даже для четырех птенцов. Несколько сухих веток, расставленных в клетке, позволяли им перепархивать и учиться осваивать пространство.

Однако главной заботой моей стало обеспечение птенцов кормом. Мимо клетки невозможно было пройти — как только я появлялся, начинался невообразимый гвалт. Вместе с перьями росла и сила голоса. Иногда я не выдерживал и устраивал птенцам ночь — накрывал клетку покрывалом. Но они реагировали даже на шаги. Поэтому в доме завелся новый порядок — все стали ходить на цыпочках.

Основным методом добывания корма стал ночной сбор бабочек у окна. Конечно, это не очень приятная процедура, но такова Природа — кто-то живет за счет кого-то. В этом выборе побеждали иволжата. Раз уж я взялся их спасти, я должен следовать поведению их родителей — ловить бабочек. Ночами на огонь к дому летит огромное количество бабочек, но с рассветом большинство из них съедают птицы. Я успокаивал себя тем, что включаюсь в почти естественный процесс. А он заключался в том, что я полночи собирал бабочек (при этом выбирал только массовые

виды), обрывал им крылья и, по возможности, стирал чешую. Однажды, особенно устав после ночного сбора, я покормил иволжат целыми бабочками, вместе с крыльями. Через час все птенцы лежали на полу клетки. Тогда я вспомнил, что птицы-родители обдирают крылья бабочкам, прежде чем скормить их птенцам. Сообразил залить в клювы птенцов воду и вытряхнул из них содержимое желудков — абсолютно непереваренных бабочек.

Ночные вахты сильно утомляли меня, тем более что птенцы не давали возможности выспаться днем. Суетная жизнь у этих птиц!

В это время в заповедник приехал энтомолог Владимир Кононенко, систематик совок, одной из самых многочисленных групп ночных бабочек. Для сбора коллекции он привез ультрафиолетовую лампу, наиболее эффективную для привлечения ночных бабочек. Я, естественно, пользовался этим, чтобы собирать корм для моих ненасытных птенцов. Однажды мне решил помочь один из лесников заповедника, Юра Андрощук. Нам хотелось выполнить норму сбора побыстрее, чтобы осталось время на сон, и мы пренебрегли строгим правилом: при ультрафиолетовой лампе работать только в очках. В результате мы получили ожоги сетчатки и утром проснулись с ощущением, что глаза полны песка. Все, что можно было увидеть, ограничивалось понятиями: темно — светло.

Заповедником тогда командовал строгий директор. На нашу просьбу дать машину для поездки в больницу он ответил: «Травма получена в нерабочее время и по собственной инициативе — как хотите, так и выкручивайтесь». Пришлось нам с Юрой идти пешком на станцию Приморская, ближайшее место, где был врач. Картинка была похлеще чем «битый небитого везет» — «слепой слепого ведет»! Только моя природная способность ориентироваться в темноте и накопленный к тому времени опыт ночных походов привели нас к больнице. Но там не оказалось даже новокаина. Нащупывая ногой дорогу и пальцами раздвигая веки, мы добрались до медпункта исправительно-трудового учреждения в том же поселке. Здесь нашу боль притупили новокаином, но нужных лекарств не нашлось. Проклиная иволжат (хотя виноваты, конечно, были мы сами), мы отправились в обратный путь. А дома нас встретил дружный вопль голодных птенцов!

Постепенно иволжата оперились и стали летать по клетке. Она становилась им тесной. Я решился на старый эксперимент — предоставил им полную свободу летать по дому. К моему удовлетворению, кот отнесся к этому равнодушно. Он воспринял их как членов семьи и на их жизнь не посягал. Меня радовало, что птенцы возвращались на ночь в клетку. Теперь мне стало проще управлять этой, казалось бы, беспорядочной ватагой сорванцов,

постоянно клянчивших еды. Я стал выносить клетку из дома, чтобы птенцы продолжили свое знакомство с внешним миром.

Однажды, сидя за рабочим столом и увлекшись какой-то важной для меня мыслью, я услышал истошный вопль птенцов. Озабоченный формулировкой возникшей идеи, я не сразу обратил на это внимание. Но необычность интонации крика вечно голодных иволжат насторожила и заставила меня взглянуть на клетку. И что же я увидел: огромный амурский полоз наполовину влез в клетку и ухватил одного из птенцов. Из пасти торчали лишь хвост и лапы! С трудом я извлек полоза из клетки и стал вытряхивать из него птенца. Наконец взъерошенный и мокрый, но живой птенец выпал из пасти змеи. Злость на полоза была огромная, но я ее переборол и отнес его на речку, забросил как можно дальше и проследил, как он выбирается на противоположный берег.

Через полчаса я опять услышал тот же истошный вопль. В этот раз я без долгого раздумья выбежал из дома. Мокрый полоз вползал в клетку. Птенцы в ужасе верещали, сидя на полу. Как же полоз нашел дорогу к ним? Ведь я видел, как он выбирался на другой берег метрах в ста от нашего дома! Пришлось отвезти его подалее.

Птенцы росли. Наступил момент, когда я рискнул открыть клетку на улице. Опасливо озираясь, иволжата выглянули в тот вольный мир, к которому зывали своими ненасытными глотками. Но этот мир их явно обескуражил. Они выпрыгивали из клетки и тут же возвращались. Я решил приободрить их — к этому времени я освоил в грубых формах специфичный свист иволги, — и иволжата осмелели. Для начала они взлетели на мою голову и в нерешительности стали клювом перебирать волосы: никак не решались покинуть «маму». Но любопытство брало верх. Самый смелый птенец перелетел на ветку ближайшего дерева, но тут же вернулся. Затем повторил свой подвиг, но в этот раз не вернулся на мое плечо, а радостно закричал «Орл-фьюирлиу!». Собратья не сразу последовали примеру смельчака, но меня обрадовало, что у птиц сохранился врожденный голосовой инстинкт. Это давало надежду на развитие и других инстинктов.

Теперь вся ватага принялась изучать ближайшее пространство. Иволжата с успехом осваивали азы пилотажа (тут уж без моего участия). К огромному сожалению, один из птенцов, видимо самый отчаянный, не справился с полетом, врезался в провод электролинии и сломал себе копчик. Все попытки спасти смельчака не увенчались успехом — под наши слезы он умер у меня на ладнях.

Но жизнь продолжалась. В природе это случается каждый миг: кто-то гибнет, кто-то рождается, кто-то нуждается в помощи. В этот момент в моей помощи нуждались оставшиеся три живых существа, и я был обязан их выводить!

Иволжата быстро освоились и, главное, облегчили нам задачу кормления. Объем требовавшегося корма рос непропорционально быстро в сравнении с их ростом, они поглощали невероятное количество общипанных бабочек и постоянно требовали еще. Это сводило с ума: всю ночь приходилось собирать им пропитание, а днем меня ждала работа. И вдруг я заметил, что иволжата самостоятельно находят корм. Это выглядело забавно. Как-то один из птенцов обнаружил огромную гусеницу. Он попытался склонуть ее, но та, казалось, намертво прилипла к ветке, на которой сидела. Озадаченный неудачей, птенец сел ближе, прямо над гусеницей, и снова клюнул. Но упрямая гусеница цепко держалась за ветку и сдаваться не хотела. Тогда птенец ухватил гусеницу клювом, попробовал помочь себе крыльями в попытке оторвать добычу от ветки. Наконец ему это удалось, но, не удержавшись, он, словно заправский гимнаст, совершил полный оборот спиной назад вокруг ветки, на которой сидел. Опомнившись от гимнастического подвига, птенец с удовольствием заглотнул лакомство.

Каждое утро, когда я выходил на работу, птенцы седлали мою голову и шумно сопровождали меня до конторы. После разрядки они также следовали за мной к дому, и весь день, в ожидании порции еды, летали в поисках особо вкусных гусениц. Этот аттракцион особенно впечатлял школьников, посещавших заповедник. Стоило мне просвистеть пароль «орл-фьюирлию», как иволжата слетались на мою голову и плечи. Голова была предпочтительней, и между птенцами возникала потасовка за право взгромоздиться именно на нее. Восторгу детей не было предела!

Неизменно каждый вечер с наступлением темноты птицы также слетали с деревьев на мою голову и плечи (кому где хватало места) и вместе со мной оказывались в доме. Здесь они разлетались по укромным углам и замирали до утра. Углы эти, к счастью, оставались постоянными, и уборка не составляла большого труда — мы просто стелили в нужных местах газетки.

Наступило время, когда иволжата отказались ночевать в доме. В тот вечер они, как всегда, слетелись вечером на мою голову, но, прощепетав на иволжином языке «спокойной ночи», тут же разлетелись по соседним деревьям. На мой призыв они по очереди подлетали, но вместе никак не собирались и тем более не хотели следовать со мной в дом. С грустью я понял, что иволжата повзрослели и уже меньше нуждаются в моей опеке. В это же время они стали меньше просить еды — научились выискивать ее

сами. Но, как ни странно, утренний аттракцион повторялся. Они с воплями слетались ко мне на голову и шумно сопровождали меня до конторы. Так же шумно встречали, когда я выходил. Они словно проверяли, что я цел и невредим, и только после этого разлетались по окрестностям.

Но однажды они нарушили эту традицию: после вечернего прощания остались сидеть на мне. Я попытался их, как обычно, закинуть вверх, но иволги, сделав небольшой круг, возвращались на голову и решительно показывали мне, что ночевать намерены в доме. Крайне удивленный, я проследовал в дом, где иволжата расселись по привычным углам. В эту ночь разразился страшнейший тайфун. Проливной дождь мигом заполнил все протоки. Ураганный ветер выдергивал деревья вместе с корнями. Деревья с крепкими корнями ломались, как спички. Три дня бушевала буря. Наш поселок оказался затоплен и завален обломками деревьев и веток. Как почувствовали эти крохи, вскормленные в неволе, приближение тайфуна? Во время непогоды они не пытались вылететь наружу и даже есть почти не просили, словно понимая, что в такую погоду корм добыть невозможно. В эти дни выручил кусочек мяса, который я нарезал на части наподобие гусениц и скармливал иволжатам. Отсутствие аппетита у птичек меня только радовало — кусочек был маленький.

Со временем они окончательно научились кормиться самостоятельно и брали из моих рук корм только из вежливости. Помяв в клюве предложенную бабочку, они пытались предложить ее мне, подсовывая к моим губам. Это было настолько трогательно, что я готов был проглотить любую гусеницу, которую они принесут!

В конце лета мне пришлось уехать в командировку в Москву. В это время многие птицы, в том числе иволги, улетают на юг. Катя рассказала, что на следующий день после моего отъезда иволжата сильно волновались и летали с громкими криками по всей усадьбе. Напоследок они сделали два круга над домом и полетели на юг.

К сожалению, мне не пришла в голову мысль надеть им на лапки колечки, чтобы узнать их на следующий год. Каждый раз я рассматриваю прилетающих с юга иволг в надежде узнать своих питомцев. Но ни одна из этих птиц не спешит сесть ко мне на плечо или поворошить волосы.

УНО

Этот зверек попал к нам в августе 2001 года, тоже при трагических обстоятельствах. Рядом с заповедником лихач-водитель задавил самку норки, неосмотрительно перебежавшую дорогу перед машиной. Ехавшая следом сотрудница заповедника Наташа Зинина заметила бедное животное. К еще теплому тельцу самочки жался норчонок и жалобно пищал. Размером он был в половину мамы. Видимо, это было одно из первых его путешествий с мамой и, к сожалению, последнее для неё...

Наташа с трудом оторвала малыша от остывающего тельца матери — он отчаянно верещал и кусался — и в коробке привезла его в заповедник. Когда я приоткрыл коробку, норчонок снова заверещал, но как-то жалобно. Мы поместили малыша в небольшую клетку и закрыли покрывалом, чтобы он немного успокоился.

В таком возрасте норка знакомит детенышей с их будущей территорией, показывает кормные места и приучает к естественной пище. Поэтому, когда норчонок попал к нам, у нас не возникла проблема изобретения молочной смеси. При первой же попытке скормить ему кусочек говяжьей печени малыш яростно набросился на него и жадно проглотил. Так что вопрос питания был сразу решен.

Поселил я его в просторной клетке, в которой когда-то жили иволги. Подремонтировав ее и соорудив из коробки из-под торта небольшое убежище, я впустил туда зверька. Он сразу забился в домик. Я предусмотрительно выстлал дно старым меховым воротником, чтобы мех напоминал норчонку что-то близкое. Но все равно он в первые дни чувствовал себя одиноко. Вылезал из коробки по необходимости — есть, пить, испражняться, да и то делал все это, только когда мы отходили от клетки. Его одиночество и подсказало имя. Мы решили назвать его Уно. Во многих языках романской группы, например итальянском или молдавском, «уно» означает «один». К тому же неизвестен был пол найденшиа, а имя «Уно» годилось и для «мальчика», и для «девочки». Позже мы выяснили, что наш норчонок «мальчик».

Я всегда пытался вырастить попавших ко мне животных так, чтобы потом можно было выпустить их в естественную среду. Но с Уно возникала проблема.

Дело в том, что американская норка на Дальнем Востоке, как и во всей Евразии, в естественных условиях раньше не встречалась. Она была завезена с американского континента для разведения на зверофермах и для акклиматизации. Этот зверек удач-

но (для него) прижился в поймах рек, хотя в некоторых местах его присутствие оказалось нежелательным. В Европе американская норка стала вытеснять и так уже исчезающую европейскую норку, на Дальнем Востоке оттеснила от рек колонка и заметно конкурирует с выдрой. Выгодным для этого вида стало и то, что с многочисленных в недавнем прошлом норководческих ферм постоянно убегало значительное количество зверьков, и это регулярно пополняло одичавшую популяцию. Поэтому даже в неблагоприятные для мелких кунных годы популяции норки несли наименьшие потери.

Норкоферма была и неподалеку от заповедника. Сбежавшие из клеток зверьки быстро оккупировали все речки и крупные ключи на его территории. Для заповедника, режим которого требует невмешательства в естественные природные процессы, этот зверек был нежелательным. Ученые решали, как поступить с норкой в заповеднике — оставить как вид, вселившийся естественным путем (специально его сюда никто не выпускал), или ликвидировать как следствие косвенного антропогенного вмешательства в естественную природную среду. Если ликвидировать, то каким наиболее гуманным способом, так как охота в заповеднике запрещена. Пока ученые гадали, проблема разрешилась сама собой.

С началом перестройки и развития дикой рыночной экономики зверосовхозы развалились, почти все норкофермы были ликвидированы. Численность американской норки заметно сократилась естественным путем. В первую очередь этот вид был отторгнут многообразной и сбалансированной природной средой заповедника. Остатки популяции обитают еще на соседних с заповедником территориях, менее населенных конкурентами и врагами.

Я не собирался держать Уно всю его жизнь в клетке, но понимал, что если дать ему свободу, то удержать зверька в пределах квартиры будет невозможно. Но тогда Уно будет представлять угрозу для соседских кур. Так или иначе, я решил сразу приучать Уно к естественным условиям. А вопрос, выпускать его в заповеднике или подобрать укромное место за его пределами, где Уно сможет подыскать себе подругу, решим после, подумал я.

Я стал выносить на день клетку на улицу и ставить в тень под навес. В первый раз Уно возбужденно забегал по клетке, с интересом оглядывая новый для него окружающий мир. К нам он постепенно перестал относиться настороженно и, издали завидев меня или Катю, с нетерпением ждал, когда его покормят. Это стало, скорее, ритуалом, чем проявлением голода. Даже когда Уно был сыт, он суетился у дверцы и с нетерпением ждал, когда ему

дадут мяса или рыбы. Несъеденное он относил в свое убежище и тут же выбегал, выпрашивая еще кусочек. Однако прикасаться к себе Уно еще не позволял. При попытке приблизить руку он вонзал в нее свои маленькие, но острые зубки.

Появление Уно вызвало восторг у наших детей, и они с удовольствием взяли на себя многие обязанности по уходу за ним. Гриша каждый день ходил на речку с удочкой и обеспечивал норку рыбой. После тайфунов вода в реке сильно поднималась, и добыча необходимого количества рыбы давалась с большим трудом. Диана занималась уборкой клетки. Норки испражняются в определенном месте, и, чтобы облегчить уборку, мы в избранном Уно углу стелили газету. И хотя Уно ходил на газету, после этого он начинал играть с ней. В результате весь пол и стены оказывались вымазанными. Еще ему нравилось опрокидывать баночку с водой. Как я ни крепил баночку, все равно он умудрялся если не опрокинуть ее, то выплеснуть воду, а то и нагадить туда. Так что Диане хватало забот. На период уборки она загоняла Уно в домик, затыкала вход тряпкой и принималась драить клетку.

С каждым разом Уно все больше возбуждался, когда я выносил клетку на улицу. Он носился по ней, пытаясь найти лазейку. В конце концов во время одного из выгулов я не обнаружил Уно в клетке. С тревогой я рыскал вокруг и звал беглеца. Довольно скоро норчонок выглянул из сарая. Я стал ласково подзывать зверька, протянул ему гольяна. К этому времени Уно привык к нам и связывал наше появление с возможностью полакомиться. Потому он без опаски приблизился, пытаясь выхватить рыбу из рук. Я забросил в клетку приманку. Без раздумий Уно последовал за ней, и я закрыл дверцу. Оказалось, Уно удалось отогнуть один из трех крючков, державших дверцу, и протиснуться в образовавшуюся щель. Что ж, первый шаг на волю Уно сделал.

Я убедился в том, что Уно управляем и его можно без труда заманить в клетку. Прододел этот опыт дома. Уно вышел из клетки и с интересом обследовал все уголки. Сначала он делал небольшие вылазки и возвращался в клетку. Если чего-то пугался, бежал в нее сломя голову. Он воспринимал обжитую клетку как надежное убежище. Постепенно Уно обследовал все комнаты, каждый уголок в доме и вскоре совсем освоился. Теперь наше присутствие совершенно его не смущало. Напротив, Уно стал подпускать к себе детей, и они подолгу играли, что доставляло равное удовольствие и ему, и детям. Еще одним партнером игривого норчонка стал Пантик — наш кот, обладавший весьма флегматичным характером. Уно задиристо, с невообразимым писком гонял кота по всем комнатам, а когда Пантику это надоедало, происходила смена ролей, и удирал Уно.

Мы начали знакомить Уно с окрестностями усадьбы, в первую очередь с речкой. Первая же попытка вынести клетку на реку закончилась побегом. Все тем же способом, отогнув крючок на клетке, Уно в считанные секунды исчез в высокой траве. Поиски Уно результата не дали, и мы, страшно переживая случившееся, усаелись на берегу, рядом с клеткой. Спустя почти два часа Уно так же неожиданно влетел в клетку.

Осторожно взяв Уно в руки, я опустил его в воду. Норчонок с удовольствием принялся плавать и нырять. Водные процедуры пришлись ему по душе, и в дальнейшем мы старались давать Уно возможность плавать как можно чаще.

Затем встала более сложная задача — научить Уно самостоятельно добывать пищу. И здесь мы также действовали сообща. Гриша добывал заранее рыбу и во время купаний бросал в воду, чтобы Уно научился ее ловить. Диана подсаживала Уно лягушек, кузнечиков и прочую мелкую живность.

Недели через две в Уно проснулся настоящий рыболлов и охотник. Со временем его навыки развились достаточно для того, чтобы у него появился шанс выжить самостоятельно.

Наконец я решил, что пришло время выпустить Уно. Во время очередной прогулки на реку я убрал клетку, дав таким образом возможность норке уйти. Но не найдя клетки, Уно забеспокоился, возбужденно забегал по берегу в поисках своего убежища. Когда же он нырнул Грише в сапог, желая укрыться хоть где-нибудь, я понял, что поспешил отправлять зверька на свободу. Норчонок все еще нуждался в нашей опеке.

Возвращение Уно в дикий мир произошло значительно позже. Спровоцировало это событие появление в нашем доме собаки — русского черного терьера. Уно, почувствовав опасность, незаметно скрылся. Мы думали, что он вернется, но постепенно потеряли надежду. Особенно тяжело переживала разлуку с норчонком Диана, не скрывая волнения за его дальнейшую судьбу.

Сотрудники заповедника видели Уно в окрестностях усадьбы спустя месяц. А через год состоялась и наша с ним встреча. Мы с Гришей были на рыбалке и заметили норку в тот момент, когда зверек с добычей выбирался на берег. Гриша сразу узнал нашего Уно. И мне тоже хотелось верить, что это был именно он.

ВСТРЕЧИ С ХИЩНИКАМИ

Дежурные истории

Довольно часто мне приходилось проводить экскурсии с визитерами нашего заповедника. Я приводил гостей в избушку-зимовье, поил их чаем, приготовленным на костре, рассказывал о красотах Кедровой Пади. В пути, на коротких перекурах, вспоминал занимательные истории. Эти истории не из разряда «охотничьих». Одни из них я готов подтвердить, поскольку знаю все подробности, другие принимаю на веру, так как детали настолько точны, будто я сам в них участвовал. Начитавшись разных историй, сравнив их с собственным опытом, я давно пришел к убеждению, что вымысел, как бы ни была богата фантазия автора, всегда уступает действительности.

История первая

Она произошла на пути к избушке, сразу за ключом Первый Золотой, где обычно делался первый перекур.

Пара молодоженов из нашего заповедника, насидевшись зимой за конторскими столами, решила размять косточки и устроить маленький пикничок — попить чайку с бутербродами у костра. К этому располагала и погода: после небольшого снегопада разгулялся теплый весенний день, как подарок после студенной зимы. Устроившись на речной косе, молодые развели костерок, достали бутерброды, поджидая, когда закипит вода в котелке. Полноправным членом семьи был Мишка — мерзопакостный пес, избалованный отсутствием у хозяев детей и возведенный в ранг исключительной персоны. Он мог тяпнуть гостя за ногу и тут же обиженно заскулить. «Родители» бросались его успокаивать, осуждающе поглядывая на гостя.

В заповеднике тогда обитал очень старый и больной леопард. Впервые его крупные следы я обнаружил недалеко от усадьбы и обратил внимание, что он ходит «вприсядку» — отпечатывалась вся ступня, а не только одни подушечки. В то время когда отдыхающая парочка шла по тропе и выбирала место для пикника, старичок лежал на классической наблюдательной площадке — на гребне отрога, откуда хорошо просматривается долина реки. Отсюда старый больной леопард и высмотрел потенциальную добычу — собаку. Собака, надо заметить, для леопарда всегда лакомство, а тут такая удача!

Леопард обошел костер стороной и стал подкрадываться с подветренной стороны. Дело в том, что снежок лег на теплые листья и на них за ночь образовалась тонкая ледяная корка. Эта корка

предательски хрустнула под лапой леопарда. Пес Мишка, считая себя пупом земли не только дома, но и во всей Вселенной, ринулся выяснять, кто посмел посягнуть на его персональный бутерброд. Он бежал резво и со всей резвостью вылетел на реку. В тот момент, когда он увидел на противоположном берегу леопарда, пес уже катился по льду реки. С визгом Мишка попытался затормозить всеми четырьмя лапами, но по инерции его несло прямо к зверю! Перед противоположным берегом пес стал отчаянно «выгребать» в сторону, и ему удалось увильнуть буквально в метре от берега. Леопард, очевидно, тоже растерялся — добыча с визгом летела прямо к нему в пасть. Поэтому его бросок на собаку запоздал и был довольно неуклюж. Сказалась, видимо, и болезнь: ему удалось зацепить собаку только одной лапой, вторая не успела замкнуть хват, а лишь скользнула по задку пса. Мишка в диком отчаянии взвыл и... чисто по-медвежьи обделался. Как мы потом установили, струя была на четыре метра. Теперь уже леопард стал тормозить изо всех сил. Но куда там — лед!

Всполошенные воплями «родители» кинулись спасать свое чадо. Выбежав на берег реки, они увидели на противоположном берегу глубоко оскорбленного леопарда, глянувшего на них с укоризной: мол, какое ничтожество вы приютили! Спокойно, с чувством собственного достоинства, как джентльмен, с гордо поднятой головой (это не мои выдумки, а свидетельство обоих супругов) леопард пошел искать другую жертву. Перепуганного Мишку пришлось вылавливать в сопках еще три часа...

Как ни смешон этот случай, он навевает грустные воспоминания: больше я уже не встречал следы «старичка». А жаль! И не только в силу моей симпатии к престарелому зверю. Увы, за долгие годы моих исследований я так ни разу и не установил факт естественной гибели леопарда. Как ни парадоксально, но мне куда спокойнее было бы знать, что леопард умер от старости, а не утолил чью-то неумную алчность. Так хочется верить, что хотя бы один леопард прожил свой век до конца, сохранив чувство собственного достоинства.

История вторая

Эту историю я рассказываю визитерам уже по прибытии в нашу избушку. Мне ее, в свою очередь, рассказал бывший лесник заповедника Николай Рыжих — личность, достойная особого разговора. Но при всей сложности моего отношения к нему и его склонности приврать (а врал он отчаянно!), именно эта история правдива.

В начале 70-х годов в заповедник приехал корреспондент газеты «Тихоокеанский комсомолец». В те времена это была обычная номенклатурная газета, воспевающая успехи строительства коммунизма молодым поколением. Один из репортеров решил подогреть интерес к газете и заявился в заповедник. О цели своего визита он заявил директору следующее:

— У вас тут водится какой-то леопард. Я приехал сделать репортаж о нем, и мне необходимы снимки — обеспечьте мне съемку леопарда.

В то время еще не существовало ни одной фотографии дикого дальневосточного леопарда. Директор, оценив «информированность» корреспондента и поняв бесполезность объяснений, вызвал опытного таежника-браконьера, работавшего в ту пору лесником, и наказал:

— Коля, своди человека в избушку. Попей с ним чайку или даже водки и возвращайтесь. Объясни товарищу, что леопард сегодня куда-то по делам ушел и неизвестно, когда вернется. А там у него и командировка закончится.

Николай благополучно довел корреспондента до избушки, напичкав его своими историями. В избушке он вскипятил чай, продолжая травить таежные байки. С Николаем была его собака — добротная лайка. В какой-то момент задушевной беседы собака залаяла. Опытный охотник, Николай сразу понял, что собака лает на крупного хищника. Схватив карабин, он выскочил из зимовья. И точно: пес облаивал подходящего к избушке тощего леопарда! Почувствовав поддержку хозяина, собака залаяла с остервенением, но это не произвело на леопарда впечатления. Он продолжал наступать на собаку. Отбиваясь от зверя прикладом карабина, Николай стал истошно звать корреспондента: хватай аппарат и снимай леопарда, пока я его держу!

При всей своей браконьерской сущности, Николай не стал стрелять в зверя (хотя стрелок он отменный). Он обратил внимание на соски (это оказалась самка) и понял, что у нее котята. Кошка была в таком ужасно истощенном состоянии, что позволила леснику сдерживать ее натиск карабином. Между тем журналист покидать избушку не спешил, а леопард, устав от столь мощного отпора, потихоньку ушел восвояси. Николай бросился в избушку за корреспондентом, да не тут-то было: дверь не открывалась — корреспондент замкнулся изнутри на все запоры. Только после долгих убеждений он, уняв дрожь, приоткрыл дверь. К тому времени самка леопарда уже успела отдохнуть после неудачного налета и удалилась.

Вот так была утеряна возможность впервые сделать снимки леопарда в дикой природе.

Медведи

В «Кедровой Пади» обитает только один вид медведей — гималайский. Иногда его называют белогрудым из-за широкого белого галстука на груди. Еще одно его название — черный медведь, что в корне неправильно. Существует совсем другой вид под этим названием, проживающий в Америке.

Когда-то, еще в начале XX века, в Кедровой Пади отмечали и обычного для России бурого медведя. Но то ли теплый климат, то ли недостаточное количество привычного корма, особенно в присутствии пищевого конкурента — гималайского медведя, — вынудили бурого мишку отступить чуть севернее. Вторая версия более правдоподобна, особенно если учесть, что гималайский медведь отлично лазает по деревьям. Это дает ему огромное преимущество: пока бурый мишка ждет, когда созревшие плоды и семена (актинидия, черемуха, желуди, кедровые шишки и др.) упадут на землю, его меньший собрат собирает их недозревшими на верхушках деревьев. При этом, с претензией на комфорт, «гималаец», объедая плоды, укладывает ветки себе под зад, сооружая своеобразные «медвежьи гнезда». К слову, такие «гнезда» — один из показателей плотности населения гималайских медведей на определенной территории.

Судя по рассказам охотников, характер у гималайского медведя злобный, и опасаются они его больше, чем бурого. Но то рассказы охотников. Однако и в заповедниках случались довольно серьезные конфликты человека с «гималайцем». Например, в довольно благополучном по условиям обитания Лазовском заповеднике гималайский медведь изуродовал сотрудника. А в другой раз директору этого заповедника пришлось даже пристрелить напавшего на него медведя. В этом отношении «Кедровая Падь» — заповедник исключительный: за всю его историю здесь не отмечено ни одного случая нападения или даже угрозы нападения медведя на человека.

Мои встречи с белогрудым медведем, к сожалению, были немногочисленны и обычно состояли в том, что я видел зад убегающего от меня зверя и свежие следы медвежьей болезни. Когда везло больше, видел медвежат, плюхающихся с дерева и улетающих за мамашей с такой скоростью, что я не успевал вспомнить о фотоаппарате. Но некоторые встречи оставили острейшие впечатления. Все они, как ни странно, связаны с наблюдениями за леопардом. Обычная реакция на такие встречи — волна страха, но затем ситуация оценивалась уже как комическая. Не могу

не привести яркий пример тому — рассказ моего коллеги, «заповеднического Дерсу Узала» Юры Шибнева.

Однажды он причалил лодку к берегу родного Бикина и, направившись в глубину леса, увидел «гималайца», пирующего на черемухе. Юра моментально вернулся к лодке за «фотоснайпером» и стал щелкать кадр за кадром, медленно приближаясь к медведю, сидящему в собственном «гнезде» на вершине черемухи, на высоте метров восьми. В конце концов медведь заметил человека. Реакция была такая: вначале «выстрелила» из медведя струя, а за ней пролетел вниз сам мишка и с такой же скоростью умчался в тайгу. Результатом встречи стали великолепные кадры: медведь сидит в «гнезде» и обирает ветки черемухи, словно гурман, очищающий шашлычный шампур.

Первый раз я соприкоснулся с мишкой, даже не видя его. Я, Катя и инспектор Саша Заев только познакомились с заповедником. Была ранняя весна. Нас, в то время еще молодых специалистов, занесло на гребень хребта под горой Чалбан. Мы пробирались под скалистой грядой, где, как я предполагал, могли быть пещерки и гроты — места, особенно любимые леопардом. Под скалой мы нашли свежий букетик хлорантов — изумительных по красоте первых весенних цветов. Именно аккуратный букетик! Трудно было представить, что кто-то из незваных любителей природы забрался в самый центр заповедника и собрал букетик. Теряясь в догадках, мы продолжили путешествие. Через десяток метров наткнулись на свежий, еще дымящийся медвежий навоз. Интрига закручивалась. Зачем медведю букет — не для медведицы же? Следуя дальше, мы часто озирались по сторонам и замирали, стараясь расслышать подозрительный шорох. Тем временем гребень хребта еще больше обострился, превратился в каменное лезвие. Чтобы осмотреть площадь побольше, решили разделиться — Саша пойдет с противоположной стороны, мы с Катей — со своей. Приключения не заставили себя ждать. Через несколько метров я увидел в скальной стене отверстие. Это то, что я искал! Про медведей я тут же забыл. Неужели я впервые нашел пещеру, где самка леопарда выводит потомство? Ведь, по словам Юры Шибнева, именно из этого района самка выводила малышей! Трепеща в ожидании открытия, я пополз в пещеру. Углубился метра на два и услышал отчетливый шорох. Сознание выплеснуло информацию о медведях и их кровожадном характере. Судорожно, ударяясь головой о своды пещеры, я попятился, вылез и закричал прерывающимся голосом: «Там кто-то есть!». Буквально эхом отозвался крик с другой стороны гребня: «Здесь кто-то есть!». Оказалось, мы с Сашей одновременно нашли сквоз-

ной грот и с двух сторон в него полезли. Услышав друг друга, мы устроили весь этот переполох. А медведя тогда так и не нашли.

В другой раз я тоже забыл о том, что, кроме леопарда, пещеры любят и медведи. Не найдя подходящего дупла, они залегают в любой норе или нише. Во время одного из учетов численности леопарда я обследовал урочище Золотая Подкова. Это оригинальный каприз горного рельефа — крутой хребтик в форме правильного овала, созданный природой на равнине. А Золотой Подкова названа, наверное, из-за обилия дичи в этом урочище. Я нашел следы самца леопарда и стал тропить. Следы привели меня к небольшой пещерке. Хотя следы шли мимо, я решил проверить лаз, тем более что своды его были покрыты изморозью — верный признак обитаемости. Однако в последний момент я заметил длинную медвежью шерстинку, прилипшую к своду на уровне моих глаз, и осторожно ретировался.

По мере изучения леопарда выявились некоторые тонкости его поведения. Например, я заметил, что все его передвижения тесно связаны с субстратом, на который он ступает. Леопард избегает наступать на подмороженную листву, выдающую хрустом его присутствие потенциальной жертве или врагу, выверяет каждый шаг, предпочитая ступить на обледеневший камень, пройти по валежине. А замерзшее русло ключа, да еще покрытое наледью, для него все равно что асфальт для машины после бездорожья. Но как выразить в цифрах и таблицах эти наблюдения?

Я решил просто подсчитать процент шагов леопарда по «шумному» и «относительно бесшумному» субстрату. Для этого я намеревался тропить леопарда с подсчетом шагов и оценкой их шумности, определяя угол направления цепочки следов по отношению к основному направлению движения.

23 февраля 1981 года замечательная пороша позволила мне заняться этими изысканиями. Обнаружив свежие следы молодого самца за Первым Золотым ключом, я принялся за подсчеты. Следы шли вверх по северному склону и через какое-то время привели меня к огромной упавшей липе. Сердцевина дерева выгнила, и тонкие стенки дупла не смогли удержать эту махину. Леопард вскочил на упавший ствол, но за метр от комля спрыгнул и торопливым шагом обежал выгнивший изнутри пень. Я пошел по стволу, досчитал следы на дереве и вокруг комля и, стараясь не терять из виду последний след, на котором закончил подсчет, хотел было спрыгнуть с валежины. Но ствол был очень толстым, да еще завис, опираясь концом на торчащий из земли метра на полтора комель. Прыгать с полным аппаратурой рюкзаком я счел

неблагоразумным. Развернувшись спиной к комлю, я занес было ногу, чтобы слезть в его пустое нутро, но заметил, что высокие закраины пня создадут мне очередные преграды и, чтобы не перелезть через них, просто сполз со ствола. Я сосредоточился на том следе, на котором закончил подсчет, и мало обращал внимания на всё, что не было связано с троплением. Но одна мысль отвлекла меня от леопарда. Здесь я должен сделать небольшое отступление и объяснить, что меня отвлекло.

Дуплистых деревьев в заповеднике не так уж много, а для гнездования многих видов птиц нужны именно дупла. Поэтому наш орнитолог Юрий Шибнев делает дуплянки для привлечения птиц и развешивает их вокруг усадьбы. Кроме того, эти дуплянки создают прекрасные возможности для фотосъемок. Найдя упавшее пустотелое дерево, мы с Юрием распиливали ствол на подходящие куски, прибивали пол и крышу, выдалбливали отверстие в стене, и новая квартира для пернатых обитателей, остро нуждающихся в жилье, была почти готова. Оставалось лишь засыпать пол мягкой древесной трухой. Мы наскребали ее в основании дуплистых деревьев, но трухи всегда не хватало, потому что удобных для сбора ее деревьев тоже было не так много. Вот об этом я и вспомнил, обходя сгнивший изнутри комель рухнувшей липы. Там можно набрать пару рюкзаков прекрасной трухи!

Подойдя к комлю, я перегнулся через него и... едва не уткнулся носом в бок медведя! От неожиданности я отпрыгнул. Но потом успокоился. Не может быть, чтобы живой медведь столько времени спокойно лежал, пока я топтался над ним. Наверное, медведь мертвый.

Снова, но уже осторожно, подошел к пню и заглянул внутрь. Так и есть, на медвежьем боку видны соринки, щепочки, сухие листья. Но почему на нем нет снега? В этот миг медвежий бок всколыхнулся от вздоха. Несмотря на рюкзак, мой прыжок был быстрым и дальним. Мигом я оказался метрах в пяти от пня. Я отказывался верить. Как же так? Минут пять я стоял на валежине в метре от медведя и чуть не наступил на него, когда пытался слезть со ствола, а зверь все это время открыто лежал и никак не реагировал на меня!

Осторожно, на расстоянии, стал осматривать необычную берлогу. Выступающий неровный край упавшего ствола образовал небольшой козырек над комлем. Он и скрывал от меня лежавшего в полости пня медведя. Нижний край дерева отщепился до самой земли, и, заглянув в образовавшуюся щель, медведя можно было увидеть. Он лежал на левом боку под козырьком, который едва прикрывал его. Только края пня немного защищали зверя от ветров, а так бедняга лежал совершенно открыто и, видимо,

не спал. Только минут через десять (я все это время просидел на корточках рядом, наблюдая за ним) дремота стала одолевать медведя. Было видно, как тело расслабилось и поджатая правая задняя лапа стала сползать. Под дерево надуло немного пороши, и лапа коснулась наметенного снега. Через несколько мгновений, видимо, от холода, лапа отдернулась. Движение лапы повторилось несколько раз, но дремота одолевала.

Осторожно обойдя ненадежное убежище бедного мишки, я вернулся к троплению. Теперь стало ясно, почему леопард спрыгнул с валежины и торопливо обежал стороной комель. Долгое время от подсчетов меня отвлекала мысль о том, до чего же терпеливы и миролюбивы мишки в нашем заповеднике! В последующие дни я ломал голову, как бы сфотографировать этого медведя. В конце концов решил, что можно попробовать подойти к берлоге, если ее можно так назвать, к сроку, когда медведи покидают «зимние квартиры». Это случается в марте, во время первых устойчивых оттепелей. Но поскольку я сомневался, что медведь будет таким же сонным, я попросил двух сослуживцев подстраховать меня.

Вооружившись карабинами, чтобы в случае опасности отпугнуть зверя, они сопроводили меня до берлоги. Убедились — медведь на месте. Заранее наведнув телеобъектив на камеру, я стал осторожно приближаться к пню. Товарищи стали наизготовку по обе стороны от меня. Внезапно я решил, что нужно снять медведя в естественной обстановке — берлога-то уникальная. Я поменял объектив и подошел к пню вплотную. Сфотографировав его сверху, я присел на корточки и стал искать нужный ракурс. И вдруг заметил какое-то шевеление. Присмотрелся внимательнее. Рядом с медведем увидел черный пушистый комочек с маленьким белым галстуком. Пара черных бусинок-глаз уставилась на меня. «Медвежонок!» — поделился я радостью со своими товарищами. «Немедленно уходи!» — возбужденно зашептали сзади. Но отказаться от такого кадра не было сил. Я заметил, как медведица закатила на себя медвежонка, и тут же с нее скатился второй комочек. Когда она попыталась закатить на себя и этого, скатился первый. Я не стал ждать, чем окончатся ее старания, — нельзя же бесконечно испытывать терпение мамыши. Мы осторожно удалились. По дороге шутили: «Может, сгущенки ей в подарок принести?».

Еще одна впечатляющая встреча произошла во время работы по учету численности леопарда в 1989 году. Мы с Дмитрием Пикунным обследовали урочище Синий Утес. Это большая скала на гребне отрогов Черных гор, на границе России и Китая. От-

весная стена здесь тянется несколько километров. Места эти издавна привлекают леопардов. Поскольку Синий Утес находится за пограничной «системой» (колючий забор вдоль государственной границы), необходимо было заехать на заставу и получить разрешение на проезд. Начальник заставы наотрез отказался отпускать нас одних и дал в сопровождение пятерых вооруженных автоматами бойцов. Ходить такой толпой — небольшое удовольствие. Дмитрий, как старший, решительно отделился от компании и пошел своим маршрутом. А мне пришлось терпеть сопровождение всего пограничного эскорта. Особый интерес для меня представляло основание скал, где могли быть гроты и пещерки. К основанию скал примыкал склон, настолько крутой, что трудно было удержаться на нем даже на четвереньках. Каждый из нас часто падал и скользил вниз по склону. За распадком я заметил лаз то ли в пещеру, то ли в грот. С нетерпением мы стали карабкаться по склону. Приближаясь, я с удивлением разглядел вход в грот — прямоугольный, почти правильной формы проем в рост человека напоминал вырубленную в скале келью отшельника. Справа от входа на уровне груди находилось такой же правильной прямоугольной формы окошко. За входом виднелась довольно просторная «комната». Наконец, я докарабкался до «порога». Ухватившись за «косяк», заглянул внутрь. Медведь лежал на левом боку. В тот момент, когда я заглянул, он резко сел и, опершись лапами об пол, громко рявкнул. При этом весь его вид выражал возмущение, а рев прозвучал крайне раздраженно: «Ну что?». Рефлекторно я отпрыгнул назад, сделал сальто над головами стоящих ниже по склону пограничников и, успев крикнуть: «Медведь!», кубарем покатился по склону. Следом за мной закувыркались бойцы. Метров через 50 — 60 нам удалось остановиться, и пограничники судорожно стали приводить оружие в боевое состояние. Поскольку медведь не преследовал нас, я успокоился и даже успел закурить, пока клацали затворы и автоматы были взяты наизготовку. Ребята были готовы отразить нападение, но, убедившись, что нас никто не преследует, стали посматривать на меня недоверчиво: что это, шутка? Наиболее горячие рвались проверить. Я объяснил, что проверка может закончиться тем, что придется в медведя стрелять и вообще неизвестно, чем закончится эта стрельба. Наконец самому любопытному я предложил залезть на дерево и дал ему свой бинокль. Взобравшись на вершину дерева напротив входа, он рассмотрел сидящего за проемом хозяина кельи. Впечатлений для пограничников, в сущности еще мальчишек, было не меньше, чем если бы они поймали шпиона. Я же лишний раз убедился: если хищника не трогать и вести себя с ним осторожно, даже в ущерб своему самолюбию,

он никогда тебя не тронет, какие бы жуткие истории ни рассказывали охотники.

Летом 1997 года молодой медведь поселился прямо на усадьбе заповедника. Довольно часто мы видели следы его кормежки вдоль тропинки на речку. Он даже разорил семью диких пчел, поселившихся в дупле рядом с тропинкой. Как-то под вечер к нам прибежала пожилая пенсионерка Зоя Григорьевна Демченко. С круглыми от ужаса глазами, она попросила провести ее домой, так как боится медведя. Оказалось, она выносила ведро с мусором и рядом с ящиком увидела медведя. Испугавшись, бросила ведро и прибежала к нам.

Надо сказать, что Зое Григорьевне везло на встречи с медведями. Однажды она собирала дрова для бани и увидела кого-то на другой стороне речки. Неважное зрение не позволило хорошо рассмотреть — кого же, и из любопытства женщина перешла речку. Когда она рассмотрела, то, как выразилась сама Зоя Григорьевна, «перелетела речку аки посуху». Там копался в кустарнике медведь. Вот и сейчас, несмотря на преклонный возраст и больные ноги, она довольно резво примчалась к нам. Я вспомнил о следах медведя, виденных накануне, сразу поверил ей и решил показать медведя детям. Катя не захотела отпускать детей, так как я был безоружным — мое оружие хранилось в оружейной комнате в конторе. А чтобы взять его, нужно было пройти мимо медведя. В конце концов мне удалось уговорить Катю отпустить со мной пятилетнего Гришутку. Взяв для успокоения Кати топор, мы вышли во двор. И что же? Рядом с соседним домом действительно рылся в земле медведь, выискивая какие-то корешки. Мы остановились всего в пяти метрах от него. Это был небольшой молодой зверь. Он настолько увлекся своим делом, что не слышал, как мы с Гришей негромко переговаривались. Вдоволь насмотревшись, решили вернуться домой и заговорили громче — медведь будто нас и не замечал. Тут осмелела даже баба Зоя. «Миша, иди сюда, я тебе пирожков дам!» — крикнула она зверю. Только тогда медведь недоуменно глянул в нашу сторону, встал на задние лапы, чтобы рассмотреть получше. А когда рассмотрел, неспешно потрусил в лес. Позже его часто видели другие сотрудники заповедника. Целый месяц мишка доставлял нам это удовольствие. Позже, видимо, съев всю вкуснятину в округе усадьбы, он подался в глубь заповедника.

«Танец с тигром»

Этот случай произошел во время обследования местообитаний леопарда на Сихотэ-Алине. Я и мой коллега, известный знаток тигров и леопардов Дмитрий Пикун, решили установить, встречается леопард в этих местах или нет. 25 февраля 1987 года мы начали тщательно обследовать урочище близ Беневского кордона Лазовского заповедника. На следующий день по свежим впечатлениям я подробно описал случившееся. Вот как это было.

...К вечеру вернувшись на кордон, я нашел записку лесников Лазовского заповедника, в которой они рекомендовали посмотреть подозрительные следы в двух километрах отсюда. Сразу же отправился в путь и рядом с дорогой обнаружил следы рыси. Часы показывали 17.30. До темноты оставалось около двух часов, и я решил тропить...

Недалеко от вершины сопки, на солнцепеке, я потерял след — снег здесь выветрился. Только закрыл дневник после очередной записи, как услышал сильный треск слева и тут же увидел полосатый бок тигра. В метрах десяти ниже меня он остановился, тихо два раза рыкнул, оскалив пасть, и быстрыми шагами направился ко мне.

Я замахал руками и стал громко говорить ему:

— Уходи отсюда, уходи, тебе здесь нечего делать. Я тебе ничего плохого не делал, уходи!

Добавил и еще что-то. Я сильно испугался, говорил нервно и громко, в голосе чувствовался страх. Тигр подошел метров на пять и остановился. Я постарался взять себя в руки и заговорил спокойнее:

— Киса, ты же умница, большая, красивая, сильная, зачем тебе трогать меня? Давай разойдемся. Я туда, а ты в другую сторону. Я тебе ничего плохого не сделаю, у меня даже оружия нет. Уходи, пожалуйста,пусти меня.

Тигр стоял спокойно, слушал. Повернул голову, а затем и сам встал ко мне боком. Я посмотрел на его бок, но раны не заметил. (Перед этим на тигриной лежке мы видели пятна крови в районе лопатки.) Шерсть была не блестящая, а довольно тусклая, охристого цвета с размытыми черными полосами. Мелькнула мысль, что таких вот тигров в сумерках и путают с леопардом.

Пока зверь стоял спокойно, я попытался пошевелиться, отойти в сторону. Но только зашелестели листья под ногами, как тигр резко повернулся и начал приближаться ко мне, обходя справа. Снова остановился, но уже метрах в пяти выше по склону. Мне

это очень не понравилось: он занял отличную позицию для броска. Да и я стал по отношению к нему как бы меньше ростом. Все это время я продолжал разговаривать с тигром, старался говорить как можно спокойнее и ласковее, унял даже дрожь в ногах. И все время поворачивался к нему лицом. Моя речь, кажется, успокаивала хищника. Но стоило мне попытаться отойти в сторону, тигр сделал выпад и подошел уже метра на два. Снова пытаюсь успокоить его. Тигр останавливается, хотя явно нервничает — кончик хвоста подергивается.

Мне пришла мысль закурить: может, запах отпугнет хищника. Осторожно сунул руку в карман, достал коробок, но спички кончились. В рюкзаке был еще один коробок. Однако попытки снять рюкзак растревожили тигра, он сделал несколько шагов в мою сторону. Опять та же схема: стараюсь успокоить его голосом, а он обходит меня по кругу. Все же удалось снять рюкзак, но при этом хрустнула ветка — тигр тут же резко повернулся и пошел на меня, низко наклонив голову. Он, как и я, нервничал и старался подойти ближе, но как бы не решался.

В двух метрах от меня вдруг начал чуть пятиться назад. Наконец успокоился, стал как-то неестественно зевать, поглядывать по сторонам, тереться усами и щеками о кусты. Затем переломил сухую веточку и, как бы играя, начал перекидывать ее в пасти языком. И тут меня осенило: надо кинуть ему что-нибудь и отвлечь. Нашупал в рюкзаке небольшой туристический раскладной нож. Достал и раскрыл. Выгащил плоскую банку тушенки и начал потихоньку отходить. Тигр заволновался. Я снял с головы шапку и кинул рядом с ним. Зверь только на мгновение заинтересовался ею, слегка пожевал, бросил и опять занялся мною. Полетела пачка сигарет — тигр не обратил на нее внимания. В руках оставалась банка тушенки. Мелькнула мысль запустить ею в лоб тигра, но побоялся спровоцировать бросок. Катнул банку рядом с тигром вниз по склону. Хищник повернулся на шорох и проводил банку взглядом.

Воспользовавшись паузой, я попытался оторваться от него, но поскользнулся на крутом склоне. Тигр от неожиданности вздрогнул, резко повернул голову и присел для прыжка. Шерсть вздыбилась, хвост нервно дергался, особенно кончик. Я, правда, мгновенно вскочил, но зверь уже двигался на меня, слегка приоткрыв пасть. В его движениях и взгляде появилась уверенность. Я продолжал убеждать тигра, всеми силами стараясь подавить в голове нотки страха. Возможно, это подействовало: хищник остановился всего лишь в метре от меня. Я держал перед собой рюкзак, прикрывшись им, и упрасивал тигра оставить меня в покое.

Запомнилась его голова. Шерсть на лбу блестящая и гладкая, на светлом фоне красивый четкий рисунок иероглифа. Почему-то врезалось в память мокрое темное пятнышко на нижней губе. Яркие желто-зеленые глаза с расширенными зрачками смотрели зло и решительно.

Эта сцена длилась с минуту. Продолжая пристально смотреть мне в глаза и все ниже опуская голову, тигр сделал еще один шаг и стал медленно протягивать левую лапу к моей ноге. Я старался заслониться рюкзаком, не переставая разговаривать. Нос тигра отделяли от моих ног какие-то полметра. Такое противостояние продолжалось, наверное, минуты три. Все это время я ощущал безысходность. Мелькнула отчаянная мысль — ткнуть ножом в глаз хищника, но я понимал, что и от одноглазого тигра никуда не денусь.

Но тигр не выдержал. Отвел глаза в сторону, обнюхал рюкзак, потерся об него усами и отступил на шаг. Постоял немного рядом, глянул по сторонам и улегся. Это придало мне уверенности. Я понял: пока стою неподвижно, он меня не тронет. Возникла даже такая мысль: могу протянуть руку и погладить его. Тигр спокойно лежал и слушал меня. Я рассказывал ему о перспективах охраны редких животных, рассуждал о возможных последствиях его хулиганской выходки. Нужно было что-то беспрерывно говорить, по возможности уверенно. Я делал комплименты его внешности, но временами ловил себя на том, что голос мой начинает подрагивать, и тогда мысленно взбадривал себя.

Уже порядком стемнело. Деревьев, на которых можно было бы укрыться, рядом не было, кругом одни кусты. С тоской я услышал рокот снегохода — мой напарник Дима возвращался после тропления этого же тигра на теплый кордон (а кордон так близок — всего в полутора километрах, — но так для меня недоступен!). Надежды на то, что Дима выйдет по следам тигра к этому месту, теперь не оставалось. Я решил все же двигаться и приучить тигра к моему движению, откупаясь от него вещами. Оставаться рядом с ним в сумерках было рискованно. Может, он только и ждет темноты, чтобы напасть? Я стал потихоньку отходить. Тигр тут же встал и сделал выпад в мою сторону. Так было несколько раз.

Я опять поскользнулся. Когда поднимался, тигриная голова была в метре от моей, причем на одном уровне, так как он стоял выше по склону. Я мгновенно вскочил и кинул ему большой кусок веревки, который приготовил раньше. Зверь подобрал веревку и начал методично жевать, откусывая небольшие отрезки. Это его немного отвлекло, он отпустил меня метров на пять-шесть, но потом снова пошел следом.

Что следующее? Достал из рюкзака душегрейку-безрукавку, в которую заворачивал фотоаппарат, и продолжил спуск. Меховая подкладка очень заинтересовала тигра, и он подошел вплотную. Я стал класть душегрейку перед тигром, он вырвал ее чуть ли не из рук и, теребя, отошел в сторону. Я воспользовался этим и спустился метров на пятнадцать, приготовив шарф и меховую варежку.

Тигр опять догнал меня и занял прежнюю дистанцию — три-четыре метра. Шел рывками: то догонит, то ляжет, то обойдет вокруг меня. Его поведение напоминало охоту. Зверь становился решительнее. Возможно, только мой монолог удерживал его от нападения.

Вскоре мы вышли на открытое место — небольшое, заросшее сорняками поле. К этому времени совсем стемнело и в поведении тигра чувствовались неприятные изменения. Он стал не просто ложиться, а затаиваться. Шел на полусогнутых лапах, низко пригнувшись к земле и часто припадая к ней. Я понял: таким образом он подкрадывается ко мне, и все же решил пробиваться к дороге за рекой.

На подходе к реке тигр отстал метров на двадцать, а потом вообще пропал из виду. И уже над берегом вдруг выскочил метрах в пяти впереди и остановился, преградив мне путь к реке. Темнота не позволяла разглядеть выражение его морды, но я чувствовал приближение критического момента. Я все разговаривал с тигром и медленно продвигался к реке.

Берег оказался полуметровым обрывом. Если спрыгнуть на лед, то сразу окажусь гораздо ниже тигра. Кроме того, резкое движение может спровоцировать тигра. Двинулся вниз по течению в надежде найти более удобный спуск. Тигр забежал вперед и уселся метрах в пяти на краю обрыва. Времени на раздумье оставалось все меньше. Осторожно, прикрываясь рюкзаком, обошел тигра, не меняя расстояния, поворачиваясь к нему лицом, и двинулся дальше. Тигр опять опередил меня и стал на моем пути. Такими «галсами», довольно быстро передвигаясь, мы прошли метров сто. Наконец появились небольшие овражки, прорезающие берег: здесь можно спуститься к реке. Но как только я стал у вершины одного из них, тигр занял позицию у его выхода. Мне нужно было, таким образом, пройти под зверем. Я не рискнул, перешел к следующему овражку, и тигр повторил свой маневр. Наконец я выбрал место и решил соскользнуть к реке.

Я понимал, что неизбежно окажусь ниже тигра, и он получит идеальную позицию для прыжка. Но выхода не было, я прошел вниз метра на два, и он тут же прыгнул на то место, где я только что стоял. Я повернулся к тигру лицом, машинально выставив

перед собой рюкзак. Тигр замер буквально за шаг — явно перед прыжком: все четыре лапы собраны вместе, спина изогнута, как пружина, тело возбужденно дрожит. Я замер, опасаясь любым жестом нарушить хрупкое равновесие. Это был действительно страшный для меня миг. Хищник мог не выдержать напряжения и решиться на бросок. Он чуть-чуть заскользил по обледеневшему дну овражка, еле удерживаясь. Его сносило на меня, и я решил потихоньку отступить назад, продолжая говорить. Тигр скатился к моим ногам, едва не уткнувшись носом в колени. Возможно, он испытал облегчение, избавившись от неудобной позы. Я чувствовал, что зверь уже менее агрессивен, чем несколько секунд назад.

Он снова шел сзади, сопровождая меня к перекаату. Каким-то чудом, прыгая спиной вперед по обледеневшим камням, я, не замочив ног, пересек реку и оказался на другом берегу. У воды хищник остановился и стал пить. Я все дальше уходил от него. И последняя картина: в глубоких сумерках тигр стоит, высоко подняв голову, и смотрит в мою сторону. Скоро я услышал звук снегохода...

Так закончилось мое более чем часовое свидание с тигром.

...Не дождавшись моего возвращения до темноты, Дима, выпив чаю, отправился на поиски. Он увидел меня на дороге без шапки и сильно удивился. А когда я нервно попросил побыстрее разворачиваться и сматываться, потому что здесь тигр, он встревожился. Беспокойство усилилось, когда на кордоне я начал рассказывать о происшедшем. Дима поинтересовался: все ли у меня в порядке с головой?

В это время в Лазовском заповеднике проходил учет численности тигра, и несколько сотрудников остановились на ночевку на этом же кордоне. Весь мой рассказ сопровождался смешками: вот эта «наука» — раз в жизни издавдалека увидел тигра и несет какой-то бред. Только Дима не смеялся, но и верить отказывался. Мне оставалось лишь одно — молить Бога, чтобы ночью не выпал снег и не скрыл наши с тигром следы.

Ночь прошла для меня на удивление спокойно: кошмары не мучили, спал как обычно. Утром дружной компанией мы поехали на машине к сопке, где состоялась моя встреча с тигром. Некоторые еще похохатывали. Стали тропить. Вышли на место, где тигр начал меня преследовать. Добрались по следам до моей пожеванной и обслюнявленной шапки (страшно представить, что в ней могла бы находиться моя голова), подобрали сигареты и банку тушенки. Смешки утихли: вроде все подтверждается, но сомнения остаются, пока мы находимся на бесснежном пятачке.

Но вот мы снова выходим на снег, подбираем искромсанную веревку, начинаем мерить расстояние между моими следами и следами тигра во время нашего «танца» — от одного и редко более пяти метров, и на лицах спутников появляется тревожное удивление. Так вытропили мы весь наш путь с тигром до самого конца. Из выброшенных вещей я не нашел своей безрукавки. Оказывается, тигр вернулся и основательно ее потрепал. Когда мы возвращались к машине, я заметил безрукавку на склоне сопки. Решил подобрать ее и только стал подниматься, как за спиной услышал:

— К черту ее, к черту!

Когда вернулся, меня ждал на дороге один Дима, все хохотуны с весьма озабоченными лицами сидели в вахтовке.

На этом мои приключения в Лазовском заповеднике не закончились, и мне пришлось пережить еще один жуткий момент, может быть, не менее страшный, чем при встрече с тигром.

Отработав в окрестностях Беневского кордона, мы переехали в противоположную часть заповедника, чтобы обследовать урочище близ села Сокольчи. Мы с Димой отправились на снегоходе по долине небольшой речки, выбегающей к деревне. Почти сразу обнаружили следы молодого тигра с очень маленькими лапами. Дима отправился по этим следам по основной долине, а я — по руслу притока. После моей встречи с тигром было решено не отпускать меня на маршруты без оружия. У водителя отыскалась старая ржавая одностовка, и я вынужден был для общего спокойствия таскать ее с собой, хотя не представлял, чем она могла бы помочь в критической ситуации.

Вскоре долина вывела меня на равнину, покрытую густым кустарником и молодняком дуба высотой полтора-два метра. Густая сухая листва с дуба не опала на зиму. Место явно не для леопарда, здесь ему очень сложно охотиться: видимость не более пяти — восьми метров, треск листвы слышен за десятки метров. Снега здесь не было, и дальнейший маршрут терял смысл. Я уже решил возвращаться, как вдруг метрах в десяти раздался шорох. После моего свиста и крика я не услышал удаляющихся шагов, которых следовало бы ожидать от косули или оленя. Сразу возникло другое предположение. Я вспомнил про ружье. Кое-как затолкал патрон и стал, пятясь, отступать. Вскоре вышел на старую дорогу и по ней бодро пошел в направлении деревни.

Через несколько сотен метров дорогу пересек небольшой ключ с обильной наледью и сохранившейся на ней порошей. Это давало отличную возможность для проверки участка: уж если бы забрел сюда леопард, он, несомненно, воспользовался бы этой бес-

шумной ледяной дорогой. Пройдя сотню метров вдоль ручья, я наткнулся на совершенно свежие следы молодого тигра. Неужели это он лежал там, в дубняке? По крайней мере, следы вели в том направлении. Впечатления от встречи с беневским тигром были слишком свежи, что мешало мне продолжать путь. Успокаивало то, что наледь иссякала, и я с облегчением вернулся на дорогу к деревне.

Вскоре я наткнулся на посадки кедра. Саженцы были хилыми и низкорослыми, хотя в сводках наверняка проходили как кедрочек двадцатилетнего возраста. Близость тигра не располагала к остановкам, но я решил сфотографировать кедрюшки. Пришлось подойти к видоискателю, выбирая картинку повыразительней. Вдруг что-то неожиданно накрыло меня сзади с головой! У меня подкосились ноги, и я уронил бы фотоаппарат, не будь он на ремешке. Но... ничего страшного не произошло. Оказывается, порыв ветра закинул клапан рюкзака мне на голову. В этот момент я испытал настоящий ужас — адреналина в крови, наверняка, было больше, чем при памятной встрече с тигром.

ИЗУЧАЕМ ЛЕОПАРДА

В конце мая 1993 года в «Кедровую Падь» прибыли американские и российские специалисты по леопарду: начиналась Программа изучения дальневосточного леопарда. Основным методом работы был радиотрекинг — радиомечение отдельных животных и радиослежение за ними.

Американскую группу возглавил доктор Ховард Квигли. С ним прибыли доктор Кэтти Квигли, его супруга, ответственная за ветеринарный контроль, генетические исследования, изучение показателей крови и тканей, и доктор Джексон Уитман — ответственный за отлов, обездвигивание, надевание ошейника и дальнейшее наблюдение за животными. Российскую группу возглавили два координатора: кандидат биологических наук Дмитрий Григорьевич Пикунов (Тихоокеанский институт географии Дальневосточного отделения Российской Академии наук) и я. Наша команда условно разделена на две части. В мою входят сотрудники заповедника Юрий Борисович Шибнев — прекрасный фотограф и натуралист и Александр Павлович Заев — лесник и тоже прекрасный натуралист. Основное направление нашей работы — исследования в заповеднике и его окрестностях. Пикунов с сотрудниками Института географии Владимиром Валерьевичем Арамилевым и Василием Анатольевичем Солкиным отправились на Шуфанское плато. Джексон Уитман первое время работал и в заповеднике, и на плато.

После долгих и трудных обсуждений организационных вопросов проведен подробнейший инструктаж: как действовать при поимке животного, как и чем его обездвигивать, как крепить ошейник, как брать пробы крови и все остальное. Каждый участник проекта попробовал стрельнуть из ружья шприцем и дунуть в трубку, которая тоже «выплевывает», причем довольно метко, шприц с препаратом. Я долго не решался устанавливать петли — боялся, что леопард может пораниться, вырываясь из них. Но, проанализировав материалы о том, как ведет себя леопард в капканах и петлях, на пробу установили пару петель.

Вскоре были настрожены первые ловушки, в которые с сожалением посадили собак — чего им придется натерпеться!

Света

Через несколько дней, после того, как петли никого, кроме человека, не поймали, установили еще несколько петель, три из них — на противоположном берегу реки Кедровой, недалеко от усадьбы.

Проверяли ловушки дважды в день. Уже на третий день одна из них сработала. После вечернего обхода прибежал Юра Шибнев: «Сидит!». Джек Уитман трясущимися руками (все-таки первый дальневосточный леопард!) приготовил препарат для обездвиживания. Собрались «болельщики» — штат заповедника. Конечно, явились и дети, но допущен к работе в качестве помощника был только один из них, уже почти взрослый, шестнадцатилетний Леша Шибнев.

Совсем стемнело, когда перешли реку. Леопард встретил нас глухим рыком. Джек втокнул шприц в трубку и подошел ближе. Леопард сделал в его сторону предупреждающий выпад — не подходи! Когда до зверя оставалось метров восемь, тот в отчаянии бросился на Джека, но трос отбросил его назад. Джек метко выпустил в него один шприц, второй, и леопард притих. Доза была небольшой: не зная веса зверя, мы боялись переборщить с иммобилизатором. Третью инъекцию совсем затихшему, но еще не уснувшему зверю Джек сделал руками. Глаза леопарда стали стекленеть.

Первым делом Джек укрепил на леопарде ошейник и включил приемник, чтобы послушать, как работает передатчик. Все в порядке — пипикает. Дальше пошло не так гладко. Долго не удалось найти вену, чтобы взять пробы крови. Вокруг нас вилось облако мокреца. Бабочки-артемиды забивали свет фонарей и лезли в лицо. Саша Заев следил за дыханием и пульсом, Юра Шибнев фотографировал, я пытался помочь Джеку, придерживая то голову, то лапы леопарда. Осмотрели соски и пришли к выводу, что самочка еще не рожала, но, как заметил Джек, по-видимому, беременна.

Джек не успел еще взять нужное количество крови, когда я заметил, что глаза леопарда теряют остекленелость и зрачки начинают реагировать на свет. Ругнувшись, Джек перестал брать кровь и взял пробу ткани — микроскопический кусочек кожи. Затем быстро связал лапы кошки, и мы взвесили ее. Неожиданно много — 82 фунта или 37,3 кг. Джек успел прикрепить на уши пластмассовые метки с номерами 1 и 2 — к радиофицированному колье добавились красные клипсы. Леопард к тому времени почти очнулся и начал поднимать голову. Юра сделал прощаль-

ное фото. Нужно уходить: еще минута-две, и зверь придет в себя. Мы быстро перешли реку. Итак, 27 мая 1993 года, спустя полтора года после того, как впервые был установлен радиопередатчик на амурском тигре, в заповеднике «Кедровая Падь» поймали и снабдили радиоошейником первого дальневосточного леопарда.

Возвращаясь на усадьбу, Джек улыбался и на ломаном русском (за три месяца он подучил язык) сказал:

— Теперь я нужно немножко водка — пойдем ко мне, у меня есть.

Прежде чем выпить за первого дальневосточного леопарда, снабженного радиоошейником, нужно было дать ему имя. В научных документах он пройдет под номером 101. Но разве это имя? При отловах тигра, по установившейся традиции, право назвать животное предоставляется тому, кто первый обнаружил его в петле. Обнаружил Юра Шибнев. Подумав, он предложил назвать нашу красавицу Светой, в честь своей дочери. Джек проверил слово на слух, повторив на разный лад: «Света... Светлана...», согласно кивнул головой: «Хорошо, нравится», и мы подняли стаканы:

— За Свету, за первую дальневосточную модницу и самую прекрасную леопардовую женщину!

Звон стаканов слился с пиканьем включенного приемника.

Судя по частоте сигнала, Света отдыхала после пережитого. Наливая по второй, Джек спросил:

— А что означает слово Света?

Мы стали объяснять: чистое, светлое, в общем, свет. Он расхохотался: после часа возни в темноте только русские могут дать имя, означающее свет.

Как всегда, яркое событие еще и еще раз переживалось при последующем обмене впечатлениями. Мы не упустили случая подколоть Джека: как это он не уложил леопарда первым шприцем, а только с третьей попытки. Он всерьез пытался объяснить, что боялся передозировки, но мы продолжали шутить. Я стал втолковывать Джеку суть шутки: он должен учитывать национальные и региональные особенности. У русского бутылка водки проскакивает, как разминка, американца же с ног валит. Так и с леопардами и другими хищниками — в Америке доза иммобилизатора для медведя может оказаться смертельной, а в России она у косолапого и зевоты не вызовет. Разошлись глубокой ночью, очень счастливые.

Утром первым делом проверили, как там наша Света. Ночью, после небольшого отдыха, она поднялась по склону и опять легла. Еще два дня бродила неподалеку от усадьбы, приходя в себя. Иногда спускалась к реке, бродила рядом с домами. Потом пере-

секла долину и ушла на северный склон. 1 июля сигнал был то отчетливо слышен, то исчезал — Света уходила на другую сторону хребта. Джек решил установить более точно ее местонахождение и поднялся с Сашей Заевым на хребет. Сразу же за хребтом сигнал ударил прямо в уши — Света где-то совсем близко. Вдруг они увидели ее, выглядывающую из дупла на липе. Тут же Света спрыгнула на землю и скрылась в кустарнике. Следя за ней по радиосигналу, Джек понял, что Света кружит вокруг них. Что-то здесь не так. Решил проверить дупло. Вход в дупло находился на двухметровой высоте. Джек вскарабкался на липу: на дне лежали два крошечных, уже вылизанных котенка. Света стала мамой! Чтобы не разбивать материнское сердце, Джек спрыгнул с дерева, и они с Сашей поспешили прочь. Их так и подмывало взять промеры с котят — материал был бы уникальнейший. Сутки Джек с Сашей боролись с исследовательским искушением, а утром, удостоверившись в том, что Света перетащила котят в другое место, возвратились к дуплу.

Первый месяц мы наблюдали за ней, буквально не выходя из дома. Это удивляло Джека Уитмана, с его огромным опытом радиослежения за медведями, волками, рысями, россомахами и другими животными. Ему никогда не приходилось снимать показания суточной активности зверя, крупного хищника, сидя за компьютером и с чашечкой чая. А мне взгрустнулось: весь материал по леопарду, который я собирал до этого больше десяти лет, можно было, оказывается, получить за год, да еще с более подробными деталями.

Суточная активность Светы поражала. Она была в движении почти круглые сутки и лишь с полуночи до четырех утра отдыхала несколько чаще. По нашим предыдущим наблюдениям выделялись пики активности в сумеречное время. Здесь же никаких пиков, сплошная активность и лишь некоторое понижение в ночные часы. К тому же Света, хотя мы ее не беспокоили, довольно часто меняла логово — каждые четыре-пять дней. Видимо, ей удавалось добыть крупную жертву и она переносила котят поближе к ней. По нашим прежним наблюдениям, самка два-три месяца после появления котят ограничивала свои передвижения районом выводкового логова. Может, это характерно для зимы (мы собирали материал только по следам на снегу), а летом, когда тепло, можно и потаскать котят из логова в логово?

А может, это неопытность молодой мамыши? Когда мы получаем какие-то ответы на вопросы о поведении леопарда, появляется не меньше новых вопросов. В любом случае идет накопление уникальных статистических данных. И вообще, изучать жизнь пятнистых кошек по новой методе — одно удовольствие!

Лисец

С появлением котят у Светы нам пришлось отложить попытки поймать самца в долине Кедровой. Мы опасались, что Света залезет в петли второй раз и ее придется, хочешь не хочешь, обездвигивать. После обездвигивания животное чувствует себя как бы в наркотическом опьянении, не может полностью контролировать свои действия. В этом случае был риск потерять котят.

Неожиданно появилась возможность отловить другого леопарда. На юго-восточной окраине заповедника обитала молоденькая самочка из прошлогоднего выводка. Мы пытались ее поймать в ловушку, но дверца из-за дождей разбухла и не сработала. На некоторое время леопард исчез из урочища. И вдруг наша самочка объявилась около пограншколы — ее видели недалеко от коровника. Мы с Джеком помчались в пограншколу и действительно недалеко от коровника возле проволочной изгороди обнаружили следы леопарда. Здесь же мы соорудили небольшой закуток, посадили в него поросенка-задохлика и на подходах к нему установили четыре петли. Договорились с офицерами, что, если зверь попадется, они позвонят.

Следующий день не принес никаких новостей. Полил дождь, и через день мы решили проверить, в порядке ли петли. Поехали с Джеком с утра в пограншколу. Знакомый офицер сообщил, что петли ночью сработали. Но сказал это, глядя в пол и без особой радости. Действительно, петли сработали, но в них попалась... корова! Не уследил пастух ночью — и нашу коллекцию пойманных животных пополнил такой экзотический вид.

Через месяц мы возобновили попытки поймать самца. Как-то утром вижу в окно спешащего ко мне после утренней проверки петель Джека. По его виду я понял, что в петле кто-то сидит. Я вылетел ему навстречу с вопросом: сидит?

— Сидит, — отвечает Джек, но при этом загадочно улыбается, — но не леопард!

— Медведь?

Джек отрицательно мотает головой.

— Тигр?!

Снова нет. Я продолжал гадать:

— Барсук? Енотовидная собака? Олень?

Джек продолжал отвечать отрицательно.

— Мышь? — разозлился я.

И тут Джек сжалился:

— Фокс, лиса.

Моросил дождь, и Джек решил не мокнуть зря, а, обездвигив лисицу, притащил ее домой. Специального иммобилизатора именно для собачьих у Джека не было, и он использовал какой-то другой. Он подействовал, но не очень эффективно. Зверек вел себя благоразумно и со свойственной ему хитростью косил под мертвого, только вздрогнул, когда Джек ввел иглу в вену. На всякий случай мы обмотали животному голову полотенцем, и далее каждый занимался своей работой. Джек брал кровь, Саша Заев следил за пульсом, температурой и дыханием, я снял промеры, подготовил место, чтобы взять пробы ткани. Кроме того, к лисьим ушам прикрепил метки. Всю эту процедуру фотографировал Юра Шибнев. Находясь на некотором расстоянии от животного, Юра не мог рассмотреть, какого оно пола, и спросил об этом у Джека.

— Лисец, — ответил Джек.

Мы расхохотались.

— Почему смешно? — удивился Джек.

— Почему лисец? — поинтересовались в свою очередь мы.

Джек объяснил:

— Самка — лиса, самец — лисец.

Что ж, логично, хотя и смешно. Мы объяснили американцу, что по-русски самец лисы называется лис. Джек чертыхнулся: ох, мол, такой-растакой русский язык!

Бережно перенеся лиса обратно через реку (вода сильно поднялась, и мы волновались, что сам он не переплышет, а возле усадьбы очумевшего после обездвигивания лиса могут потрепать собаки), Джек положил его на землю и снял с головы полотенце. Лис моментально перестал косить под мертвого и удрал с неожиданной резвостью, хотя было заметно, что его слегка покачивает.

После этого Джек заявил с улыбкой:

— Он нужно дать имя.

Шибнев предложил:

— Может, его Джеком назовем? Ведь лиса поймал Джек Уитман.

Однако Джек возразил: плохо, когда у животных и у людей, работающих с ними, одни и те же имена — не поймешь, о ком идет речь. Юра сказал:

— Так Джек ведь уже и назвал лиса — Лисец!

Всем очень понравилось — оригинальное имя! — и мы отправились праздновать очередные «крестины».

Потопыч

В августе, особенно после тайфунов, в петли стали попадаться браконьеры, приходившие ловить симу в реке, и мы очень жалели, что человек без труда может стащить с ноги петлю. Более того, браконьеры украли пару пружин, устанавливаемых с петлями. После этого мы стали крепить петли и пружины намертво.

Во время одного из особенно сильных тайфунов вода в реке так высоко поднялась, что переходить ее вброд стало опасно. Вода все прибывала. Саша Заев, думая, что Джек не успел перейти на другой берег к петлям, решил сам их проверить, перебравшись через реку по канатной переправе. Как оказалось впоследствии, он прошел следом за Джеком через 15 минут. И вовремя. На подходе к одной из петель Саша услышал чье-то сердитое ворчание. Сначала он подумал, что это разговаривают между собой какие-то люди, и уже предвкушал поимку похитителей петель. Но в петле сердито ворчал и стонал огромный гималайский медведь!

На подготовку препарата для обездвиживания медведя Джеку понадобилось около часа. Мы переправились за реку. Место, где медведь громко и жалобно стонал, невозможно было узнать: выворочены огромные валуны, искорежены деревья. За час медведь умудрился основательно погразить и повалить огромный бархат — дерево с пробковой корой и несколько более тонких ясенков. Увидав людей, медведь застонал еще громче и жалобней и заметался, сдерживаемый тросом. Джек быстро выпустил в зверя один за другим три шприца. Саша страховал его, держа наготове карабин, и очень волновался, видя, как натягивается трос: вряд ли он успел бы выстрелить, если бы трос не выдержал или лапа пленника выскользнула из петли.

Пока медведь успокаивался после иммобилизатора, мы осмотрели результат его деятельности, и каждый подумал, что может статья с человеком, попади он под горячую лапу «гималайца». Медведь вскоре затих, и мы принялись за работу, что оказалось на этот раз совсем непросто. Ворочать такую тушу даже вчетвером было тяжело. Джек, переловивший сотни медведей, определил его возраст в 17 — 18 лет. Совсем старичок. Было трогательно видеть, что этот старичок, как ребенок, боится щекотки. Даже оглушенный иммобилизатором, он отдергивал лапу, когда я касался его подошвы. А когда Джек пощекотал его бок, он замахал задней лапой, как щенок. Самое трудное было его взвесить. В попытках Джек забыл топор, и мы не могли вырубить подходящую жердь. Наконец нашли выход из положения — перекинули через сук веревку, перетащили медведя выше по склону и, обмотав

лапы узлами, подцепили тушу к весам. Наш старичок потянул 348 фунтов — больше 150 кг. Вес летом, да еще сразу после гона, довольно большой для гималайского медведя.

После взвешивания медведь зашевелился. Мы поспешили удалиться. Как только переправились через реку и прослушали сигнал, поняли, что медведь оклемался и задвигался. Джек пригласил на «крестины» — ему явно понравилась эта традиция. Саша нарек старичка-медведя Потапычем.

Наши хлопоты на этом не закончились. Кто мог предположить, что медведь пойдет по тропе, на которой расставлены другие петли? Через несколько часов после «крестин» Джек с приемником снова переправился на тот берег и, держа под контролем Потапыча, пошел по тропе. Приближаясь к одной из петель, он с ужасом понял, что Потапыч опять попался. В этот раз бедный медведь и не пытался вырваться, а, тихо постанывая, дремал в петле. Джек быстро приготовил другой препарат (тот же иммобилизатор применять уже нельзя: опасно для здоровья зверя) и, взяв в помощники Сашу, поспешил выручать Потапыча. Петлю с лапы сняли без осложнений и успели закрыть остальные ловушки.

Как и Света, Потапыч два дня побродил в окрестностях и, только полностью оправившись от действия препарата, ушел в центральную часть заповедника. Но и на этом не закончились его приключения.

Дня два спустя Дима Пикунов пошел уточнить местоположение медведя. Довольно долго он не мог принять радиосигнал, и вдруг его приемник запипикал невероятно громко. Взяв пеленг с нескольких точек, Дима заволновался. Он с тревогой отметил, что сигнал становится все громче. Затревожился и Урал, Димин пес, поглядывая с тропы в сторону реки. Вскоре показался и сам Потапыч. Он шел к тропе наперерез Диме, а тот никак не мог понять, видит ли его медведь. Когда осталось метров двадцать, Дима спустил Урала с поводка. Тот нерешительно прыгнул в сторону медведя и пару раз гавкнул. Медведь встал, посмотрел на собаку, фыркнул, развернулся и скрылся. Видимо, ему так надоели встречи с людьми, что он ушел на противоположную сторону хребта, к ключу Гаккелевскому. И только дней через десять возвратился наш старичок в долину Кедровой. Надеемся, что теперь он будет очень осторожен и не попадется больше в наши ловушки. А мы снова пытаемся поймать самца леопарда.

Опять Света!

Пока не было петель, леопард-самец прошелся по главным тропам и основательно пометил их, особенно возле ловушек. Прошло положенное время, и Джек снова насторожил ловушки, в том числе и привезенные дополнительно. Ждали очередного обхода самцом территории заповедника. Я не был уверен в его скором визите и поехал в город по делам. Юра Шибнев и Саша Заев тоже отсутствовали. Именно в этот день Джек обнаружил в петле... Свету, которая давно уже не появлялась в долине Кедровой. Не впервые попав в такую ситуацию, она лежала спокойно, не рвалась из петли, ни одной веточки вокруг не погрызла.

Джек пробежал по усадьбе, собирая помощников — гидробиолога Наталью Рязанову и Татьяну, жену Саши Заева. Все обошлось благополучно. Хотя Света, увидев Джека, повела себя очень агрессивно, но успокоилась после укулов довольно быстро. В этот раз работы было меньше. Свету нужно было высвободить из петли и восполнить недостаток проб крови, которые мы не успели взять в прошлый раз. Теперь Джек набрал кровь для анализа по всем параметрам.

К сожалению, образцы почти все пропали: во время тайфуна ветром оборвало линию электропередачи, усадьба оказалась без электричества, и все холодильники отключились. К этой беде прибавилась еще одна: стоило нам закрыть вновь расставленные петли, как самец тут же прошел по ним. И снова пришлось ждать.

Может быть, не стоило описывать все эти неудачи, особенно возникшие и по нашей вине. Но пусть чувство вины станет постоянным дополнительным напоминанием об ответственности, которую мы взяли на себя, включившись в проект по леопарду.

Света несколько дней провела в окрестностях усадьбы. Мы круглосуточно снимали показания ее активности. Света опять нас удивила. В ночь моего дежурства она долго лежала на одном месте и так редко шевелилась, что я затревожился — не потеряла ли она ошейник или, что еще страшнее, не «помог» ли ей кто-то его снять? Только после семи утра я успокоился: получил сигналы, означавшие, что Света пошла прогуляться.

Следующим сюрпризом был переход Светы вверх по долине Кедровой. За все время наших наблюдений так далеко она еще не уходила, тем более на территорию другой самки. Но пробыла она на новом месте недолго и вернулась в свое прежнее местообитание.

Здесь необходимо пояснение. По нашим наблюдениям, каждая самка имеет свой собственный участок, и, хотя не было заме-

чено острых стычек между самками, границы своих угодий они соблюдают. Исключения, конечно, бывают. Иногда на участок самки (хозяйки) приходили другие самки, даже вместе со своими чадами. Я подозреваю, это были дочери со внуками. Но обычно котята, достигнув годовалого возраста, покидают материнский участок, и каждый стремится приобрести собственное место под солнцем.

Что касается самцов, то их участок обитания состоит из двух-трех, а то и четырех местообитаний самок. Охраняет свой гарем самец очень ревниво: даже сыновей, достигших половой зрелости, жестоко изгоняет.

Все наблюдения я проводил зимой, и главным методом было тропление по следам на снегу. Радиотропление, конечно, дает возможность больше узнать о взаимоотношениях между животными, правда, только теми, кто имеет радиоошейники. Однако в случае со Светой мы были бессильны: не могли выяснить, исчезла ли хозяйка долины (она была уже довольно старая для леопардового века — ей было около 10 лет) или Света дерзнула вторгнуться на чужой (может быть, материнский?) участок в ее отсутствие. Не исключаю и вариант, что хозяйка была занята в это время собственными котятами (по срокам подходит) и ограничивала передвижения небольшой частью своей территории. По этой причине присутствие хозяйки не было так заметно, и Света осмелела.

Помощь в определении «личности» каждого животного оказывал фотоанималист Юра Шибнев. По его снимкам мы имеем возможность сличать расположение пятен на мордах леопардов, как отпечатки пальцев человека.

Опять наш проект ставит вопросы, на которые пока трудно найти ответ. И в то же время все больше понимаешь значение совместных исследований — без новейшего оборудования, без современных методик вряд ли нам удастся найти пути к спасению этой замечательной кошки.

Машка

Вскоре к нам примкнул представитель северного участка наблюдений — Володя Арамилев. Его давно будоражило известие о том, что в «Кедровке» ходит меченый «гималаец» Потапыч: медведи — профессиональное увлечение Володи. Вместе с Джеком мы поставили новые петли, и началось тягучее ожидание. Тягучее, конечно, не в смысле полного безделья, одна проверка состояния петель — уже ответственная и требующая много време-

ни работа, часто угнетающая своей неуклонной обязательностью. Леопард-самец успел проскочить с проверкой свой участок до насторожки петель. И все же мы надеялись, что в течение недели он появится. Подогревал и азарт: была возможность стать «крестным» самца, если леопард попадет в петлю, поставленную именно тобой. Я был вынужден отказаться от этого соревнования: обязанности координатора заставляли меня заниматься проблемами с машиной.

Через несколько дней я, не дождавшись Джека с утреннего обхода ловушек и петель, пошел собирать калины для Кати. Этой ночью мне приснилось, что наша группа наконец-то поймала самца. Собирая калину, я ловил себя на противоречивых мыслях: разве это не слабость — потратить время не на леопарда, а на какую-то ягоду, пусть даже для беременной жены. В то же время — проект проектом, а я не был в отпуске уже три года. С рюкзаком калины я переступил порог дома и услышал радостный, но в то же время укоризненный возглас Кати:

— Пока ты там ходил, все новые «крестины» справляют!

Я помчался к Джеку. «Крестины» — и кого же — гималайской медведицы! — были в разгаре.

В это утро, кроме меня, расслабился и Джек, уставший ждать самца: пошел проверять ловушки поздно, в одиннадцатом часу. Тем не менее помощников у него в этот раз оказалось больше, чем надо. К счастью, на месте был и наш кинооператор Гена Шаликов, он снял всю процедуру отлова на видео.

Медведица (это стало ясно Джеку с первых же минут, поскольку рядом бегал медвежонок) успела сломать несколько деревьев. К счастью, уцелело дерево, на котором крепился трос. Джек пустил в медведицу один за другим шприцы со снотворным и удивлялся, что эта «пигалица» никак не уснет: взрослая самочка — 10–12 лет, как успел определить по зубам Джек, — была очень мелкая, килограммов 80. Снотворного в нее ввели больше, чем в Потапыча. Тем временем трос мог вот-вот сорваться.

Медвежонок отбежал от матери, как только подошел Джек. Когда же появилась все компания, малыш попытался спрятаться на дереве, потом отбежал подальше. Иногда он жалобно скулил, но возвратиться не решался.

Обработка медведицы — навешивание ошейника, взятие крови — прошла нормально, однако зверь на удивление быстро пришел в себя. Неожиданно медведица махнула лапой и порвала на Джеке майку. После второй такой отмашки Джек вколол ей дополнительную дозу. Но и это помогло ненадолго. Стали готовиться к взвешиванию. Только успели обвязать одну лапу, как медведица стала просыпаться. Вся команда поспешно ретировалась.

Маленькая, поджарая и, судя по снимку на «Полароиде», симпатичная гималайская медведица была наречена Машкой. Я обратил внимание, что среди нас была Наташа Рязанова, та скромная красавица, без которой мы не могли никого поймать. Она появлялась в заповеднике наездами, жила одну-две недели, но именно в ее приезды звери лезли в петли. В ее присутствии мы поймали Свету, Лисеца и Потапыча. Она участвовала во вторичном отлове и обработке Светы. Теперь ей предоставили право дать имя медведице. Традиция была нарушена в силу того, что Володя Арамилев, установивший петлю, в данный момент отсутствовал. Дополнительным аргументом послужило то обстоятельство, что Володя так закрепил петлю, что медведице оставалось сделать еще один-два рывка, и операция могла бы кончиться большими неприятностями.

Приходилось выслушивать возмущенные крики, и предвижу очередные: «Тоже мне биологи-природоохранники! Издеваются над животными, ловят, вешают на них черт-те что, кровь берут, мучают, а потом смакуют!»

Нет! Не смакуем! Нам далеко не безразличны страдания животного, попавшего в ловушку. Мы глубоко сопереживаем ему, ибо мы способны понять его страдания. Но при подобном общении с человеком животные становятся осторожнее, у них меньше шансов попасть в ловушку браконьера. И главное — мы не видим другого пути спасения животных, как получение достоверной информации об их повадках, необходимых условиях существования. Только наше знание их жизни дает им шанс на выживание.

А смакуем мы обилие информации. Нас радует, что, несмотря на столь низкое финансирование науки, особенно академических подразделений (месячная зарплата ученого со степенью в три раза ниже зарплаты уборщицы на ликероводочном заводе и меньше дневного дохода продавщицы частного киоска), мы не только выживаем, но мы еще и радуемся, что делаем большое дело, и делаем так, как не имели возможности делать раньше. Нас радует, что мы остаемся профессионалами даже в таких жизненных обстоятельствах. И спасибо судьбе, что мы имеем такую возможность. А животные, мне кажется, нас простят.

После поимки Машки мы опять закрыли петли. И, как уже повелось, появился самец и бродил всю ночь по усадьбе. Рональд, пес Саши Заева, охрип к утру, облаивая всю ночь долгожданного гостя. Самец прошел как раз по двум Сашиним петлям, но они были закрыты! Завтра петли настораживаем снова*.

*Российско-американский проект по изучению дальневосточного леопарда длился более пяти лет и закончился осенью 1998 года.

Дальневосточный отшельник — прошлое, настоящее и будущее

Леопарды довольно широко распространены по всей Африке и южной части Азии. Восемь подвидов леопарда населяют влажные тропические леса и саванну, проникая даже в пустыни.

Трудно сказать, как этот житель южных широт оказался в суровых снегах Дальнего Востока России. Словно монах-отшельник, презревший мирские блага, избравший уединение и спартанский быт, дальневосточный леопард ведет борьбу за существование в условиях, значительно более суровых, чем те, в которых живут его собратья.

Для описания отличительных свойств дальневосточного леопарда больше всего подходят слова если не «самый», то по крайней мере «один из самых». Это самый северный подвид леопарда — его ареал доходит до 45-й параллели и даже чуть севернее. Это один из самых красивых хищников: грациозное мускулистое тело, мягкая струящаяся походка, прекраснейший мех — от дымчато-седого до ярко-желтого или красно-рыжего с черными пятнами и кольцами, и все это не среди привычной для этого зверя сочной зелени тропиков, а на фоне искрящегося, голубеющего в сумерках снега.

И это один из самых выносливых и самых ловких охотников. Ему приходится терпеть жестокий холод — 30 — 40-градусные морозы с сильным, до 20 — 25 метров в секунду ветром. Несмотря на богатство уссурийской тайги, меню леопарда и количество доступной пищи значительно беднее, чем у его собратьев в тропиках. Поэтому нашему леопарду приходится проходить многие километры в поисках добычи.

Но и когда добыча обнаружена, охота зимой представляет для леопарда большую проблему. Не столько из-за глубокого снега, сколько из-за того, что лишенная листвы растительность и белый фон снежного ковра — плохое прикрытие для ярко окрашенного хищника. Ему чрезвычайно трудно подкрасться на расстояние, необходимое для успешного броска. Леопард старается использовать каждый шанс, проявляет чудеса охотничьего мастерства. Как ртуть, струится зверь за малейшими бугорками, стволами упавших деревьев, надолго замирает, выжидая удобный для нападения момент. Когда ему удастся приблизиться к косуле или пятнистому оленю на расстояние около 20 метров, у жертвы мало шансов на спасение. Но все же далеко не каждая попытка оканчивается успешно, и леопард по многу дней вынужден голодать.

Наконец, дальневосточный леопард самый редкий, находящийся на грани исчезновения подвид леопарда. Он никогда не был многочисленным, но считался довольно обычным зверем на юге Приморья, от побережья Японского моря у залива Ольги до российско-китайской границы на западном побережье озера Ханка, исключая высокогорные районы. С начала минувшего столетия его численность начала сокращаться, и к 70-м годам ареал разбился на три изолированных очага. Численность сократилась до трех-четырёх десятков. В конце концов остался лишь один очаг постоянного обитания — территория южнее реки Раздольная. Кроме Приморья, этот подвид населял смежные районы Китая и Кореи, но здесь леопарда давно постигла печальная участь...

Популяция дальневосточного леопарда находится на окраине видового ареала, очень чувствительна к любым неблагоприятным изменениям среды и поэтому наиболее уязвима. Резкие и быстрые изменения среды обитания леопарда вызваны, как и в большинстве случаев, человеком. До прихода русских переселенцев леопард не чувствовал притеснений со стороны человека — туземное население почитало этого хищника и боялось больше тигра, хотя достоверных случаев неспровоцированного нападения дальневосточного леопарда на людей до сих пор нам не известно. С началом интенсивного освоения края в конце XIX века ситуация стала меняться на глазах — не в пользу леопарда.

Причины сокращения его численности и ареала традиционны: уничтожение хищника охотниками и браконьерами, сокращение площади пригодных местообитаний. Потеря местообитаний связана прежде всего с вырубкой и выжиганием лесов, сельскохозяйственным освоением территории и значительным сокращением кормовой базы.

В конце 50-х годов XX века были предприняты меры по сохранению леопарда: запрещена охота и отлов животных для зоопарков, подвид внесен в государственную и международную Красные книги, запрещена торговля шкурами леопарда, создан специальный заказник для его охраны. Но эти меры позволили лишь стабилизировать численность на опасно низком уровне. Во время очень тщательного учета численности в 1991 году нам удалось насчитать только 29 — 31 взрослых леопардов.

В последние десятилетия к экологическим бедам добавились социальные: экономический и политический кризисы привели на грань нищеты тысячи людей. Упразднение пограничного режима открыло доступ в заповедные места всем жителям бывшего Союза и иностранцам. Правовой хаос не дает возможности оградить остатки дикой природы от посягательств варваров.

Спрос на шкуры и медицинское сырье за рубежом и возможность беспрепятственно вывезти контрабанду создают соблазн для желающих сделать бизнес на шкурах леопарда: уже и в газетах даются объявления о продаже шкур. К тому же многие жители пытаются решить проблему питания за счет охоты на копытных. Резко выросла незаконная добыча косули, пятнистого оленя, кабана, что катастрофически подорвало кормовую базу леопарда. Не могут обеспечить надлежащую охрану от браконьеров даже заповедники, оказавшиеся в тяжелом финансовом положении.

Еще одна очень серьезная опасность для дальневосточного леопарда — генетическое вырождение. Дело в том, что при такой низкой численности через определенное время наступает эффект близкородственного скрещивания и в результате утрачивается генетическое разнообразие. У животных снижается плодовитость и выживаемость потомства, способность к адаптации в изменяющихся условиях, и в целом уменьшается жизнеспособность популяции до полного вырождения. По нашим расчетам, только по генетическим причинам даже в идеальных экологических условиях популяция дальневосточного леопарда может исчезнуть уже через несколько десятков поколений. Чтобы этого не произошло, необходимо довести численность популяции как минимум до 200 — 250 взрослых животных или создать условия для иммиграции животных из неродственных популяций — хотя бы одной-двух самок на поколение.

В естественных условиях создать популяцию с такой численностью уже невозможно — не хватит пригодных местообитаний. Также невозможен естественный обмен особями из неродственных популяций — если этот подвид и сохранился в соседних государствах, то очаги его обитания слишком разобщены.

Единственный выход — увеличение популяции в неволе и обмен особями между дикой и зоопарковской популяциями. Но адаптация выращенных в неволе животных к диким условиям практически невозможна. Даже если такое животное и выживет, оно будет неконкурентоспособным, в том числе и в борьбе за полового партнера — то есть не будет участвовать в размножении и не даст потомства.

На наш взгляд, решить эту проблему можно, если осуществлять скрещивание в полувольных условиях. Такие условия можно создать в обширных вольерах, построенных в естественных местообитаниях леопарда. Можно привлекать самцов из зоопарков и диких самок, временно отлавливаемых на период спаривания и выращивания потомства. Часть потомства можно использовать для «освежения крови» популяции в неволе, другую часть — выпускать вместе с самкой в природу. Вольерные усло-

вия позволят избежать конкуренции с дикими самцами, в какой-то степени контролировать выживание потомства и гарантировать естественное развитие детенышей под опекой дикой самки. Максимально исключив контакт с человеком и обеспечив хищников естественной живой добычей, можно получить полноценное потомство, не отличающееся от диких животных.

Такой подход создает условия для контроля генетических процессов в популяции и управления ими. Мечение выпускаемых животных и ведение Племенной книги популяции в неволе позволит подбирать оптимальных (наиболее отдаленных по родству) кандидатов для скрещивания, чтобы сохранить генетическое разнообразие.

Дальнейшим этапом развития программы должно стать восстановление популяции в пригодных местообитаниях — в первую очередь на южном Сихотэ-Алине. Источником животных для заселения прежнего ареала должен стать питомник.

Проект создания национального парка на Борисовском плато объединил несколько программ, разработанных обособленно, но тесно взаимосвязанных. Национальный парк решит несколько важных проблем.

Одна из проблем — сохранение эталона южноуссурийской тайги в существующем, пока слабо нарушенном человеком состоянии. Ряд обитающих здесь видов растений и животных не попал под охрану ни в одном из существующих заповедников и встречаются только на Борисовском плато.

Другая важная проблема — сохранение существующих местообитаний дальневосточного леопарда.

Третья проблема — это создание питомника леопардов. Использование небольшой части национального парка под вольеры было бы оптимальным вариантом решения.

Наконец, четвертая важная проблема связана с явным дефицитом территорий, используемых в туристических целях: заповедники России исключают возможность их рекреационного использования. Создание национального парка, часть территории которого можно будет использовать для этих целей, поможет решить и эту проблему.

Судьба дальневосточного леопарда вызывает желание перефразировать Киплинга и вложить в уста дальневосточной Багиры слова: «Мы с тобой одной крови, ты и я! Сегодня ты возвратил мне жизнь. Завтра твоя жизнь не будет серой и убогой среди одних крыс, клопов и тараканов».

Заповедник «КЕДРОВАЯ ПАДЬ»

справочная информация

Еще в конце XIX века исследователи юга Приморья были поражены самобытностью первозданной южноуссурийской тайги. Однако освоение Уссурийского края — беспорядочная вырубка, пожары, бесконтрольная охота — нарушили девственные леса. В 1911 году Приморская лесоустроительная партия провела здесь первую инвентаризацию лесной растительности. На фоне быстро отступающих лесных массивов юга Приморья тайга Кедровой Пади выделялась своей сохранностью. Энтомолог и этнограф Арнольд Карлович Мольтрехт, путешествовавший в те годы по Приморью, был поражен великолепием горных хвойно-широколиственных лесов, громадным ростом и толщиной стволов деревьев и кустарников, обилием южных субтропических видов. Но активное освоение побережья Амурского залива, начало которому положила волна переселенцев 1908 — 1910 годов, ускорило темпы уничтожения лесов. Вокруг долины реки Кедровой появилось несколько новых поселков. Переселенцы, распахивая землю и выжигая леса, уничтожали тайгу на десятках тысяч гектаров. Тот же А.К. Мольтрехт позднее сообщал, что в окрестностях Кедровой Пади почти полностью исчезли хвойные деревья, прежде всего кедр. Места вырубленных и выжженных лесов занимали травянисто-кустарниковые заросли.

Лесоведы забили тревогу. «Спасите от неминуемой гибели, пока не поздно, уссурийскую природу», — призывал в 1915 году А.К. Мольтрехт. В 1916 году по инициативе лесничего Славянского лесничества Т.Л. Городецкого Приморское лесное общество предложило изъять Кедровую Падь из лесопромышленного плана оборота и организовать здесь заказник. Приморское управ-

ление землеустройства удовлетворило этот запрос — в Кедровой Пади были запрещены рубка леса, охота, сбор дикорастущих полезных растений. Славянскому лесничеству (Т.А. Городецкому) совместно с Приморским лесным обществом было предложено провести организационные работы по оформлению заказника. В октябре 1916 года заказник был официально утвержден.

После Октябрьской революции, в 1924 году, решение Дальневосточного революционного комитета подтвердило, что заказник «Кедровая Падь» имеет статус заповедника на правах самоуправления с территорией 4500 га. В 1926 году она была увеличена до 9500 га.

С 1930 по 1935 год заповедник переходил из одного ведомства в другое, меняя при этом режим использования природных ресурсов — вплоть до организации заготовок древесины и охоты. Наконец в 1935 году заповедник перешел под эгиду Дальневосточного филиала Академии наук СССР, директору К.К. Высоцкому удалось установить соответствующий заповедному статусу режим охраны.

В 1951 году площадь заповедника увеличили до 17 500 га, а с 2000 года (после уточнения границ) его территория составляет 18 044,8 га.

Заповедник «Кедровая Падь» расположен в Хасанском административном районе Приморского края, в четырех километрах от западного побережья Амурского залива. Географические координаты: 131°24' — 131°36' в. д. и 43°01' — 43°09' с. ш.

Рельеф заповедника формируют два горных хребта — Гаккелевский и Сухореченский. Это крайние северо-восточные отроги Черных гор (Чанбайшань), основные массивы которых находятся в Китае и Корее. Высота хребтов невелика (600 — 700 метров над уровнем моря), но сопки почти подходят к морю, так что перепад высот кажется значительным.

Граница заповедника проходит по основанию внешних склонов. Внутренние склоны хребтов, смыкаясь, как подкова, формируют долину реки Кедровой. Река начинается в заповеднике и течет по его территории около 15 километров. Только оставшиеся до устья 2 километра выходят за границы заповедника. Вода в Кедровой прозрачная и холодная, 10 — 12 градусов, даже в самое теплое время редко выше 15 градусов.

Климат этой части Дальнего Востока — муссонный, то есть летом выпадает много дождей, а зима сухая. Заповедник расположен на самом юге Приморья, близко к морю, и климат здесь мягче среднего приморского, среднегодовая температура +4 градуса. Зима относительно мягкая, солнечная, хотя в январе тем-

пература иногда падает до -36 градусов. Снег постоянно лежит только в долинах и на северных склонах и редко достигает толщины 30 – 40 сантиметров. Южные склоны обычно освобождаются от снега на второй-третий день даже после обильных снегопадов. А бывают и вовсе бесснежные годы.

Первая половина лета прохладная, с частыми затяжными дождями и моросью, вторая – жаркая, с высокой тропической – до 100% – влажностью при температуре до +35 градусов. В августе – сентябре сухая солнечная погода чередуется с жестокими тропическими тайфунами, во время которых вода в реке поднимается на два-три метра.

Обращенная к морю долина реки Кедровой, окаймленная высокими хребтами, действует как аэродинамическая труба, втягивая в долину влажный морской воздух. Охлаждаясь на лесных склонах, влага конденсируется, и поэтому над долиной часто висит туман даже тогда, когда вокруг стоит солнечная сухая погода. Эта климатическая особенность и определила хорошую сохранность территории с самого начала прошлого века, предотвратив сельскохозяйственное освоение долины реки.

Центр заповедника занимают чернопихтovo-широколиственные и кедрово-широколиственные леса. Это значит, что основную роль играют пихта цельнолистная (черная) и корейская кедровая сосна («кедр»). «Чистых» (без примесей) кедровников здесь нет, кедр произрастает небольшими (4 – 5 гектаров) куртинами. В такой близости от моря леса с примесью кедра сохранились только в Кедровой Пади, что и дало название заповеднику. Чернопихтовые леса тоже сохранились лишь на юге Приморья.

Вдоль реки Кедровой тянется пойменный лес с преобладанием чозении – представителя семейства ивовых, дерева с ажурной кроной, достигающего 30 м в высоту и более 1 м в диаметре ствола, и других видов ив. На южных склонах сохранились древние коренные рощи из монгольского дуба. В центральной части мозаично, чередуясь с хвойными, располагаются смешанные широколиственные леса. Они же покрывают внешние, приграничные склоны хребтов. Страдающие от регулярных пожаров окраины заповедника вблизи полей, поселков и дорог покрыты вторичными дубняками, редколесьем, кустарником и сухими лугами.

Флора заповедника очень богата: 918 видов сосудистых растений, то есть почти треть видов, населяющих российский Дальний Восток. Только здесь можно увидеть сразу все восемь встречающихся в Приморье видов кленов и пять из шести видов берез, в том числе березу Шмидта, или железную березу, назван-

ную так за необычную прочность древесины (даже хорошо высушенное полено тонет в воде). Она достигает высоты 25 м, диаметра 80 см и доживает до 400 лет. Такое богатство флоры объясняется удивительным даже для Приморья смешением северных и южных видов с большим набором эндемиков и реликтов.

На северных склонах встречаются участки реликтового леса третичного периода — с тисом остроконечным возрастом до 800 лет, заманихой, женьшенем. Много в заповеднике растений из семейства орхидей — 26 видов. «Краснокнижников» 46 видов.

Ученые заповедника составляют подробные списки флоры и фауны. Сейчас эти списки насчитывают 179 видов мхов, 273 вида пресноводных водорослей, 250 — лишайников и 1804 — грибов. Списки постоянно пополняются.

Животный мир заповедника из-за активного в прошлом хозяйственного освоения территории понес потери. Однако и теперь в списке — 54 вида млекопитающих. Территория заповедника невелика, для крупных зверей она недостаточна. Из-за вырубki лесов отошли на север изюбрь, рысь, соболь. Нет уже в Приморье красного волка. С повышением на юге Приморья численности тигра исчез из заповедника волк. Заходами появляется харза. Горал постоянно здесь никогда не обитал, хотя заходил — его видели еще 20 — 30 лет назад.

Косуля, кабан, енотовидная собака, барсук и другие типичные для Дальнего Востока виды в «Кедровой Пади» многочисленны.

Самый яркий представитель местной фауны — дальневосточный леопард. «Кедровая Падь» — единственный заповедник, где этот уникальный хищник находится под охраной. Леопард — вид, населяющий всю Африку и южную Азию, местами весьма многочисленный, для снежных российских гор — настоящая экзотика. Эта крупная красивая кошка обитает в Приморье на северной границе своего видового распространения и испытывает все тяготы экстремальных условий окраин ареала. Из всех подвидов леопарда дальневосточный — самый малочисленный: в Приморье обитает всего 30 особей, еще несколько — в соседних районах Китая и Северной Кореи. Этот подвид занесен во все Красные книги и список №1 СИТЕС (список животных, торговля которыми запрещена международными соглашениями). К сожалению, территория заповедника может дать приют самое большее двум взрослым самкам с потомством и одному самцу. Молодые животные, не достигшие половой зрелости, некоторое время живут на родительской территории, но со временем они покидают заповедник.

Немалую роль играет заповедник и в охране амурского тигра. Основной его ареал — Сихотэ-Алинь. В последние десятилетия, несмотря на мощнейший пресс браконьерства, численность этого вида остается обнадеживающей. Правда, нынешняя популяция тигра происходит от весьма малочисленной группы — около 40 особей, и тигру угрожало генетическое вырождение в результате близкородственного скрещивания. Крайне важна для сохранения жизнеспособности российской популяции связь с остатками тигриной группировки в Корее и Китае. В последние годы такая связь наладилась, и определенную роль в этом играет заповедник «Кедровая Падь». 180 квадратных километров — слишком малая территория даже для одного тигра, тем не менее поселившиеся в заповеднике тигры проводят на его территории значительную часть времени, находя здесь покой и пропитание.

Численность пятнистого оленя в «Кедровой Пади» в 30-х годах XX века доходила до 800 — 900 особей. Но после многоснежных зим 40-х годов олень почти исчез, а остатки добила интендантские службы по заготовке мяса для нужд армии во время Великой Отечественной войны. В 1964 году в заповедник завезли 18 оленей и после короткой передержки в вольерах выпустили в лес. Искусственное стадо приживалось долго: на окраинах заповедника оленей отстреливали браконьеры, а в центральную часть не пускали леопарды. В конце концов в центре заповедника все-таки образовалось стадо примерно в 150 особей, и пятнистый олень снова занял достойное место в экосистеме.

Мелкие млекопитающие «Кедровой Пади» уникальны — здесь встречаются две экстремальные по размерам землеройки — гигантская и крошечная бурозубки. Крошечная бурозубка — самое маленькое млекопитающее России — весит всего лишь 4 грамма, по сравнению с ней гигантская и вправду кажется огромной — 16 граммов.

Для пернатых климат «Кедровой Пади» крайне неблагоприятен. Мешают весенние холодные туманы: очень сложно прокормить потомство в промозглую погоду, когда насекомые — основной корм птенцов — малоактивны. Поэтому из 184 видов птиц, встречающихся в заповеднике, гнездится на его территории всего 96. Однако список орнитофауны окрашен в тропические тона: утка-мандаринка, белоглазка, широкорот, голубая сорока, короткопалый ястреб. Встречаются японская выпь, хохлатый орел, японский бекас, ошейниковый зимородок. Даже сказочная синяя птица и зеленый голубь залетают в «Кедровую Падь». Здесь девять видов дятлов, самый крупный — желна — соседствует с самым маленьким — малым острокрылым. Много сов: от круп-

ной длиннохвостой неясуги до миниатюрной уссурийской совки. Зимой над лесом кружатся черные грифы — уроженцы Гималаев, белоплечие и белохвостые орланы.

Много в «Кедровой Пади» змей: гигантский амурский полоз длиной до двух метров, миниатюрный японский уж и ярко раскрашенный тигровый. Ползающие повсюду ядовитые щитомордники наводят ужас на посетителей заповедника.

Земноводных пять видов: похожий на тритона сибирский углозуб, жаба, дальневосточная лягушка, а также похожие на лягушек жерлянка — необыкновенной расцветки, с ядовитыми выделениями желез, и квакша — с лапками-присосками, прыгающая с куста на куст.

Двенадцать видов рыб живут исключительно в чистой, холодной, горной воде. Из лососевых — сима, мальма и кунджа. А вот кета не выдерживает такой холодной воды.

Беспозвоночные заповедника изучены, к сожалению, много хуже. Несмотря на то что в «Кедровой Пади» проводили многолетние исследования специалисты со всего бывшего Советского Союза, описать все многообразие беспозвоночных пока не удастся. Описаны новые виды, роды и даже семейства. Например, здесь обнаружили неизвестное ранее ископаемое членистоногое: гриллоблаттину Куренцова — примитивное древнее насекомое, близкое к современным уховерткам.

Более 1500 видов бабочек и жуков поражают красотой всех приезжающих к нам — и специалистов, и дилетантов. Некоторые из них встречаются только в заповеднике «Кедровая Падь»: китайская восковая пчела, жужелица Янковского и многие другие.

Каждый уголок на Земле по-своему уникален, в каждом заповеднике вам с гордостью скажут: «Только у нас вы можете встретить...» или «Здесь обитает самый...». Но среди заповедников есть рекордсмены по «самости» и уникальности. Один из них — заповедник юга Приморья «Кедровая Падь».

ЖИТЕЛЬ СТРАНЫ ЛЕОПАРДА

Вместо послесловия

Для нас, молодых полевиков, в конце восьмидесятых впервые попавших на учет леопарда, Виктор Коркишко был равным среди старых «таежных волков» — Абрамова, Базыльникова, Пикунова. И только сейчас начинаешь понимать, что по возрасту он был ближе к нам, чем к «старикам». Но ко времени нашей первой встречи он уже сумел отвоевать себе место равного среди старших...

Дмитрий Пикунов сказал: «Ни с кем другим мы не ругались так часто. Ни с кем другим не было столь жестких и бескомпромиссных споров. Никто другой так часто не раздражал своим упрямством в отстаивании собственной научной точки зрения. И не хватать нам его будет теперь как никого другого...»

Собственно говоря, Виктор Коркишко (точнее, созданный им Фонд дальневосточного леопарда) был первым учредителем газеты «Зов тайги», которая далеко не сразу превратилась в цветной журнал. И не только учредителем. Его «светские хроники» — заметки о жизни помеченной радиоошейником леопардессы Светы — очень полюбили и нам, и читателям. В нашей разношерстной и разновозрастной команде полевых биологов он был единственным, кто никогда не брал в маршрут оружие. Лишь однажды было исключение. После того знаменитого на весь мир случая, когда Виктору пришлось «танцевать вальс» один на один с тигром. На следующий день он сходил в маршрут с ружьем. Только один раз...

Будучи молодым сотрудником заповедника, Виктор страстно увлекался фотографией. И было это не просто любительское увлечение. Его снимки в те времена украшали страницы престижных приморских альбомов, были узнаваемы, отличались умением видеть необычное в том, мимо чего другие таежники проходили, не моргнув глазом...

С ним было непросто во время научных дискуссий, конференций, разработок стратегий. Он не умел и не хотел вдаваться в тонкости международного политеса, не желал улавливать мотивы поведения «иностранных союзников». Многим, более дипломатичным коллегам, он мешал в достижении консенсуса. Но с ним приходилось считаться. Потому что все остальные были гастролерами на Земле Леопарда. А Виктор Коркишко жил вместе с леопардом, каждый день ходил с ним одной тропой, пил воду из

одного ключа — и потому, как никто другой, испытывал личную ответственность за каждое решение «кошачьего сообщества» ученых людей.

Признаваться друг другу в любви у мужиков как-то не принято. У таежников — тем более. Шутки да прибаутки, издевки да подначки — вот весь букет проявлений взаимных чувств.

Листаю свои потрепанные полевые дневники начала девяностых, где посреди научных записей то и дело попадаются наброски будущих песен, и нахожу строчки, нацарапанные в долине Чапигоу в ту пору, когда продукты и курево экспедиция могла купить лишь по письменному распоряжению главы поселкового совета:

*...Влюбленный в местных леопардов молдаванин
Трихинеллезной давленииной кормит нас...*

Или вот — с верховьев Эльдути, когда Виктор сделал всем участникам экспедиции заказ на экскременты леопарда:

*...По следу егеря идут в который раз:
Мол, не туристы мы, на руку чистые,
Мол, мы нечистые ходоки...
Но слежка лишняя —
Несем Коркишке мы
Дерьмом набитые рюкзаки...*

Теплые слова откладывались на потом, на когда-нибудь, на казавшееся очень далеким время старческой лирики.

Рванулся было сказать их на похоронах Виктора, но показалось как-то неуместно-парадным, да и в горле предательски першило — и опять не сказал. Теперь уж только там, когда встретимся в Долине Счастливой Охоты...

Не пройдя и ста метров от центральной усадьбы заповедника, процессия с гробом Виктора пересекла свежие следы табунка пятнистых оленей. И я невольно посмотрел на хребет, точно и впрямь надеялся увидеть там леопарда, провожающего друга в последний путь...

*Василий Солкин, учредитель и редактор
журнала «Зов тайги»*

Слова благодарности

Эта книга не была бы опубликована без всесторонней помощи друзей и коллег, глубокая им благодарность.

Вот их имена:

В.И. Алешков, Москва,
А.П. Грачев, Москва,
И.В. Дворко, Владивосток,
Ю.Е. Дочевой, Уссурийск,
А.В. Зименко, Москва,
А.В. Калмыкова, Москва,
З.В. Кожевникова, Владивосток,
Д.Н. Кочетков, заповедник «Кедровая Падь»,
А.П. Крюков, Владивосток,
В.Н. Медведев, с. Лазо, Приморский край,
Ю.А. Мельникова, заповедник «Кедровая Падь»,
Н.К. Носкова, Москва,
Д.Г. Пикунов, Владивосток,
Т.М. Подгурская, Москва,
В.А. Солкин, Владивосток,
А.Ю. Стручков, Москва,
Е.А. Суворов, с. Лазо, Приморский край,
М.П. Тиунов, Владивосток,
Т.М. Тиунова, Владивосток,
Ю.А. Чистяков, Владивосток,
Г.Н. Шаликов, Владивосток,
А.Ю. Шибнев, заповедник «Кедровая Падь»,
И.В. Шибнева, заповедник «Кедровая Падь»,
Ю.Б. Шибнев, заповедник «Кедровая Падь».

Особую благодарность выражаю Наталье Феликсовне Штильмарк (Москва), которая много сил и времени посвятила этой книге, Центру охраны дикой природы за организационную поддержку, а также Наталье Владимировне Беловой, оказавшей существенную финансовую помощь.

Екатерина Коркишко

Передать любовь по наследству

Из интервью В.Г. Коркишко пресс-секретарю
Дальневосточного отделения Всемирного фонда дикой
природы Елене Старостиной

— Виктор Григорьевич, снова и снова встает вопрос: как повернуть жизнь так, чтобы леопард, которому Вы отдали практически всю свою жизнь в заповеднике, изучая его, жил долго? И чтобы его существование было стабильным?

— Очень сложно об этом говорить, потому что во многом природоохранные вопросы зависят от благополучия страны, в которой мы живем. Экономические условия были тяжелыми в советские времена и остаются такими в период «дикого капитализма». Это сказалось и на охране дальневосточного леопарда. Для него главное — сохранить среду обитания. Мы должны сохранить те места обитания, которые сейчас существуют, и те, которые в перспективе для него пригодны. Потому что при такой низкой численности риск исчезновения этого зверя очень высок. Болезнь либо неблагоприятные для копытных годы могут поставить крест на его существовании. Быстро размножаться леопарды не могут, и достаточно гибели двух-трех самок, чтобы прервать существование всей популяции.

Поэтому самое главное, мне кажется, — воспитать поколение людей, которым это не надо объяснять. Чтобы это было в крови у каждого! Чтобы люди, ответственные за территорию леопарда, не жалели, что не имеют права здесь охотиться, — есть ведь другие места, где нет леопардов, а охотиться можно. Но вот этого наши охотники не хотят понимать. Чтобы сохранить эту небольшую популяцию, не такая уж большая территория нужна. Пригодные для леопарда места нужно перевести в ряд особо охраняемых территорий. Не обязательно, чтобы это был заповедник, — это может быть и заказник специального назначения или биосферный полигон, где можно развивать природосберегающие технологии. Эти территории можно использовать под туризм и для других целей, но обязательно совместимых с обитанием леопарда. Самое главное — здесь нужен запрет на охоту. Потому что там, где человек с ружьем, там браконьерство. Исключить браконьерство на территории обитания леопарда — уже половина успеха. Также надо следить и за популяцией копытных, поскольку она у нас недостаточно высокая — в сравнении с охотхозяйствами на западе страны цифры несопоставимые.

Спасти леопардов, повторюсь, может только сохранение среды обитания и кормовой базы. А к этому можно прийти, только воспитав поколение людей не с таким потребительским отношением к окружающей среде, как сейчас...

Научно-популярное издание

Коркишко Виктор Григорьевич
ИЗ СТРАНЫ ЛЕОПАРДА – С ЛЮБОВЬЮ
Рассказы об обитателях уссурийской тайги

Редактор *А.П. Грачев*
Компьютерная верстка *А.В. Калмыкова*
Корректор *Т.Л. Клеченова*

*Благотворительный фонд
«Центр охраны дикой природы» –
российская негосударственная организация,
занимается решением природоохранных проблем на
территории России и сопредельных стран.*

Книгу можно заказать по адресу:

Центр охраны дикой природы
117312 Москва, ул. Вавилова, д. 41, офис 2
Тел./факс: (495) 124-71-78
E-mail: biodivers@biodiversity.ru
<http://www.biodiversity.ru>

ООО «Р. Валент»
105062, Москва, ул. Покровка, д. 38а
Тел./факс: 916-67-03
E-mail: rvalent@online.ru
<http://www.rvalent.ru>



Виктор Григорьевич Коркишко (1954–2005)

Известный исследователь дальневосточного леопарда. Директор заповедника «Кедровая Падь» в 1991 – 2001 гг. Бескомпромиссный борец за сохранность заповедной природы.

«События сегодняшней ночи заставляют меня срочно описать то, что сейчас происходит со мной. Потому что если ОН сожрет меня, то никто не узнает, как это было, а если не сожрет, то завтра впечатления будут уже не те, что сейчас. Уже час ночи, я немного успокоился, сижу и поддерживаю огонь в костре...»